КТО БЫЛЪ ВИНОВНИКОМЪ ПЕРВАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ?

(Голосъ поляковъ—современниковъ событія).

5 августа 1872 года исполнилось *) столѣтіе со времени подписанія представителями Россіи, Австріи и Пруссіи договора о первомъ раздѣлѣ Польши,—договора, бывшаго началомъ конца политическаго существованія Рѣчи-Посполитой. Конечно, представители польской государственной идеи не замедлятъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы снова протестовать противъ этого, какъ они говорятъ, величайшаго беззаконія всѣхъ временъ: манифестаціямъ, рѣчамъ и газетнымъ воплямъ, навѣрно, не будетъ конца. Можно также предвидѣть, что громы польско-шляхетнаго краснорѣчія по-прежнему обрушатся всею силою на наше бѣдное отечество, какъ на истиннаго-де виновника означеннаго беззаконія, слегка лишь и только для вида коснувшись другихъ участниковъ въ раздѣлѣ Польши. Въ глазахъ завзятыхъ поляковъ, Россія всегда была и будетъ кругомъ виновата; въ этомъ не разубѣдишь ихъ и открытіями Шмита, сдѣланными на основаніи подлинныхъ дипломатическихъ актовъ, касающихся перваго раздѣла Польши. Нѣмцы, съ своей стороны, тоже позаботятся, конечно, лицемѣрно умыть руки и оправдать своихъ предковъ, сваливъ всю вину на Россію, какъ на козла отпущенія; вѣдь даже такой добросовѣстный и тщательный въ изслѣдованіяхъ нѣмецкій историкъ, каковъ Ранке,

*) Статья написана ранѣе годовщины раздѣла Польши.

въ новомъ своемъ сочиненіи, касающемся той эпохи (Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. Deutsche Geschichte von 1780 bis 1790 jah.), забылъ же объ упомянутыхъ нами открытіяхъ Шмита. Въ интересѣ нѣмцевъ—поддерживать старыя недоразумѣнія между двумя сильнѣйшими славянскими племенами и раздувать пламя вражды между ними, которая, особенно теперь, такъ на руку нѣмцамъ, въ виду неизбѣжнаго въ недалекомъ будущемъ размежеванія, по всей вѣроятности, силою меча славянской и нѣмецкой расъ *).

Нужно ли говорить о томъ, на сколько эта вражда вредна для славянскаго дѣла, на сколько въ частности она стѣсняетъ русскій народъ и въ служеніи внѣшнимъ задачамъ нашего отечества и на пути внутренняго развитія, улучшенія своихъ учреж-

*) Хотѣлось бы мечтать, что этотъ вопросъ, висящій бѣдою надъ средней и восточной Европой и угрожающій залить ее потоками крови, разрѣшится мирно и безобидно для обѣихъ расъ. Но, увы, многое заставляетъ думать, что народы еще слишкомъ мало понимаютъ правду въ отношеніяхъ другъ къ другу и не научились еще на столько уважать права другихъ, чтобы не желать жить на счетъ слабѣйшихъ. Особенно трудно полюбовное соглашеніе народовъ насчетъ «моего» и «твоего» въ тѣхъ случаяхъ, когда историческія обстоятельства дали и преобладающей сторонѣ нѣкоторыя основанія заявлять свои права на спорный предметъ, какими бы путями ни были пріобрѣтены эти права въ прошедшемъ. Добровольный, во имя правды, отказъ потомковъ отъ правъ, пріобрѣтенныхъ предками путемъ насилія или обмана, въ настоящую пору еще едва ли вѣроятенъ. Мало того, чѣмъ болѣе совершено при этомъ преступленій, тѣмъ ненавистнѣе становится требованіе со стороны обиженныхъ возстановленія правды. Зачѣмъ же, спрашиваютъ себя люди, столько грѣха принято на душу, если цѣль, для которой совѣсть принесена въ жертву, не достигнута, если со стыдомъ приходится отказываться отъ давнихъ надеждъ, чуть-чуть было не осуществившихся,—отъ правъ, стоившихъ такъ дорого? Нѣтъ, или—все, или—ничего. Притомъ обидчикамъ постоянно мерещится месть со стороны обиженныхъ, какъ бы въ дѣйствительности ни были миролюбивы послѣдніе. Отсюда-то и происходитъ то явленіе, что самая сильная ненависть въ свѣтѣ—это ненависть сильной стороны къ угнетеннымъ ею, сохраняющимъ надежду возрожденія и возстановленія своихъ правъ. Въ такомъ положеніи находилась до послѣдняго времени польская шляхта по отношенію къ западной вѣтви русскаго народа, и здѣсь-то, конечно, скрывается причина ожесточенной вражды ея къ русскому народу, которая намъ представляется незаслуженнымъ нами и непонятнымъ явленіемъ. Подобное же видимъ отношеніе нѣмцевъ къ западнымъ славянамъ, надъ которыми они успѣли-было, въ вѣка варварства и кулачнаго права, захватить политическую власть, а теперь обстоятельства заставляютъ отказаться отъ нея. Поэтому-то и трудно надѣяться на мирное возстановленіе правъ славянскихъ племенъ. Недавній опытъ не удавшагося соглашенія съ чехами служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

деній и возвышенія своего благосостоянія, что, наконецъ, самимъ полякамъ она угрожаетъ конечною гибелью? Не пора ли междоусобной, брато-убійственной борьбѣ замѣниться общимъ дружнымъ отпоромъ вторженію чужеземца, болѣе чѣмъ когда-либо угрожающаго общему достоянію славянскихъ племенъ? Въ такія ли времена, каково настоящее, поддерживать старыя недоразумѣнія, когда и дѣйствительныхъ причинъ розни между нами и поляками и безъ того было достаточно до сихъ поръ? Не должны ли современные представители интересовъ обоихъ племенъ позаботиться объ устраненіи по крайней мѣрѣ тѣхъ нареканій, которыя не имѣютъ подъ собой дѣйствительной почвы, которыя произошли въ пору слѣпаго ожесточенія и возращены усиліями общихъ недруговъ? Къ числу такихъ именно нареканій и принадлежитъ распространенное между поляками мнѣніе, представляющее Россію главною виновницей перваго раздѣла Польши. Должно ли оно существовать вопреки исторической правдѣ?

Россія, скажемъ не обинуясь, сдѣлала много для разсѣянія этого заблужденія; но успѣхъ, надобно сознаться, далеко не соотвѣтствовалъ ея усиліямъ. Открытія Шмита въ области дипломатіи прошлаго вѣка не разубѣдили, какъ мы уже сказали, завзятыхъ польскихъ патріотовъ въ ложности указаннаго мнѣнія. Что же, оставить ли намъ свои хлопоты о возстановленіи въ данномъ случаѣ исторической истины, въ виду практической безполезности ихъ, предоставивъ поляковъ ихъ заблужденіямъ? Нѣтъ, надо, для уничтоженія ихъ, испробовать рѣшительно всѣ средства. Долженъ же мракъ лжи рано или поздно разсѣяться предъ свѣтомъ истины. Въ виду несправедливости къ намъ настоящаго поколѣнія поляковъ, апеллируемъ къ прошедшему и его голосъ призовемъ въ доказательство нашей правды. Авось не всѣ польскіе патріоты будутъ закрывать глаза передъ дѣйствительностію, и если они не вѣрятъ оффиціальнымъ актамъ сосѣднихъ государствъ, то авось повѣрятъ свидѣтельству своихъ предковъ—современниковъ событія, не имѣвшихъ, какъ они должны сознаться, причины представлять дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Въ случаѣ же неуспѣха, намъ, во всякомъ случаѣ, останется утѣшеніе, что мы сдѣлали все возможное, чтобы доставить торжество правдѣ и уничтожить хоть одно изъ старыхъ недоразумѣній, раздѣляющихъ насъ и поляковъ.

Эти-то соображенія и побудили меня разсмотрѣть содержаніе польскихъ политическихъ памфлетовъ конца прошедшаго вѣка,

особенно же ближайшихъ, по времени своего происхожденія, къ первому раздѣлу Польши. Въ нихъ я ждалъ встрѣтить подлинный, не предубѣжденный взглядъ на это событіе современныхъ ему поляковъ; въ нихъ я надѣялся найти самое сильное, документальное опроверженіе ложныхъ мнѣній теперешнихъ польскихъ патріотовъ и лучшее оправданіе политики Россіи въ этомъ дѣлѣ. И надежды мои, думаю, не оказались напрасными.

I.

Въ современной политической жизни европейскихъ народовъ памфлеты играютъ важную роль. Не происходило въ послѣднее время въ Европѣ ни одного важнаго событія, которое бы не предварялось и не предсказывалось появленіемъ памфлета. Большею частію происхожденіе ихъ тщательно скрывалось,—они являлись въ свѣтъ дѣтьми тайны, безъ имени ихъ родителей; замаскировывалась и ихъ практическая цѣль,—они казались невинными созданіями досужей фантазіи, праздными мечтаніями не призванныхъ политиковъ. Между тѣмъ, кто не знаетъ, какую тревогу возбуждало появленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ европейскомъ мірѣ—въ дипломатическихъ кругахъ, на биржахъ и во всемъ образованномъ обществѣ, какіе толки вызывали они въ газетахъ и журналахъ всѣхъ европейскихъ народовъ? Всѣ старались угадать, откуда явились они и куда они метятъ. Въ нихъ видѣли взглядъ на современные политическіе вопросы лицъ или партій, распологающихъ политическими силами Европы, а подъ часъ программу ихъ дѣйствій въ извѣстномъ вопросѣ. Подъ ихъ невинною физіономіей усматривали предзнаменованія будущихъ важныхъ политическихъ событій, для однихъ народовъ радостныхъ, для другихъ грозныхъ и страшныхъ. И памфлеты заслуживаютъ этого вниманія, этихъ тревогъ и опасеній: это—предвѣстники бурь и грозъ въ политическомъ мірѣ; это—кометы новаго міра, встрѣчаемыя современными народами съ тѣмъ же тайнымъ трепетомъ и опасеніями за будущее, съ какими встрѣчались древними небесныя кометы.

Дѣйствительно, большая часть памфлетовъ—дѣло лицъ или партій вліятельныхъ въ политическомъ мірѣ, въ рукахъ коихъ они служатъ могучимъ орудіемъ успѣха. Посредствомъ памфлетовъ предпріимчивые политики пробуютъ общественное мнѣніе

Европы, вызнаютъ друзей и недруговъ. Въ памфлетахъ стараются привлечь сочувствіе народовъ къ извѣстному дѣлу, оправдать въ глазахъ ихъ ту или другую систему политическихъ дѣйствій. Памфлеты, такимъ образомъ, даютъ политикамъ средства вѣрнѣе разсчитать свои силы для выполненія своихъ плановъ и замысловъ и служатъ могучимъ орудіемъ нравственной побѣды извѣстнаго дѣла, которая въ настоящее время стоитъ выиграннаго генеральнаго сраженія.

Имѣя назначеніемъ служить интересамъ одной политической силы, памфлеты не могутъ претендовать на безпристрастіе и точность въ изображеніи событій. Политики стараются распространить въ европейской публикѣ свой взглядъ на событія, только представить его вѣрнымъ; взглядъ же одной политической стороны всегда, по меньшей мѣрѣ, одностороненъ. Онъ опредѣляется интересами одной націи или партіи, а въ интересахъ націй и партій къ самымъ справедливымъ желаніямъ непремѣнно примѣшиваются и неблаговидныя цѣли—желаніе мести, преобладанія и т. д., которыя однакожь для успѣха дѣла должны быть прикрыты побужденіями справедливости. Въ подобныхъ видахъ кое о чемъ умалчивается, ничтожному придается особенная важность, у важнаго отнимается его значеніе,—словомъ, событія представляются въ болѣе или менѣе ложномъ свѣтѣ. Памфлетъ—рѣчь адвоката, имѣющаго цѣлію, во что бы то ни стало, оправдать одну сторону.

Не отличаясь ни полнотою и точностію изображенія событій, ни безпристрастіемъ и справедливостію въ оцѣнкѣ лицъ и дѣйствій, памфлеты, конечно, не имѣютъ значенія достовѣрнаго историческаго матеріала. Кто захотѣлъ бы по однимъ памфлетамъ изучить ходъ политическихъ событій любаго времени, тотъ рисковалъ бы не только придти къ ложнымъ выводамъ, но и представить самыя событія далеко не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Для историка имѣютъ гораздо болѣе значенія не только государственныя граматы и оффиціальные документы, но и записки частныхъ лицъ, несмотря даже на то, что авторы ихъ, не всегда посвященные въ тайны дѣлъ, которыя они описываютъ, легко могутъ ошибаться въ изображеніи и оцѣнкѣ событій.

Но и памфлеты, какъ второстепенный историческій матеріалъ, въ рукахъ опытнаго изслѣдователя могутъ дать важныя и любопытныя свѣдѣнія для вѣрнаго пониманія извѣстнаго времени. Они не только сообщаютъ о событіяхъ, но и передаютъ взглядъ

на нихъ современниковъ, и такимъ образомъ даютъ имъ цвѣтъ и форму—оживотворяютъ ихъ. Они раскрываютъ убѣжденія и интересы, управляющіе дѣйствіями лицъ или партій—дѣятелей политической исторіи того времени, и тѣмъ самымъ даютъ возможность вѣрнѣе охарактеризовать ихъ. Они иногда пролагаютъ пути къ возстановленію исторической истины, когда страсти слѣдующихъ поколѣній, недовольныхъ прошедшимъ, систематически извратили смыслъ событій, создавшихъ непріятный для нихъ порядокъ вещей,—напр., въ интересующемъ насъ вопросѣ. Нужно лишь наблюдать то простое правило, чтобы событія, о которыхъ говорится въ памфлетахъ, повѣрять данными оффиціальнаго свойства и достовѣрными документами, взгляду же ихъ на событія противопоставлять взгляды лицъ или партій, враждебныхъ защищаемому ими дѣлу.

Приведенныя соображенія, полагаю, достаточно выясняютъ важность для нашей цѣли польскихъ политическихъ памфлетовъ конца прошлаго вѣка, къ разбору коихъ мы и приступимъ.

Самый ранній изъ этихъ памфлетовъ относится ко времени самаго раздѣла и носитъ названіе: «Раздѣлъ Польши». Онъ изданъ въ 1774 году въ Лейпцигѣ, въ переводѣ (будто бы) съ французскаго языка *). Эпиграфомъ его выбраны слова Ювенала и Виргилія:

«Cantabit vacuus coram latrone viator» (Juven).
«Troianas ut opes et lamentabile Regnum
Erevrint Danai» (Virg).

Памфлетъ имѣетъ форму комедіи въ семи дѣйствіяхъ или разговорахъ между императрицей австрійской, императрицей русской, королемъ прусскимъ, Евфраимомъ, барономъ яффинскимъ (министромъ финансовъ короля прусскаго—анонимъ), Вискерфельдомъ (тоже анонимъ), сержантомъ (посломъ короля въ Данцигѣ),

*) Это обычный пріемъ польскихъ памфлетонъ вѣка Екатерины II, имѣвшій, конечно, цѣлью скрыть дѣйствительныхъ авторовъ ихъ, а можетъ-быть и произвести болѣе сильное внечатлѣніе на публику, увлекавшуюся въ ту пору французскою литературой. Впрочемъ, многіе памфлеты дѣйствительно написаны были на французскомъ языкѣ и только впослѣдствіи переводились на польскій языкъ. Въ разбираемомъ нами памфлетѣ есть фразы, какъ будто указывающія на французское происхожденіе его; напр.: для меня больше значитъ одно имѣешь, чѣмъ два будешь имѣть (въ 7 разговорѣ; по-франц.—un je le tiens vaut deux tu l'auras); но французскій подлинникъ мнѣ не встрѣчался.

философомъ и географомъ. Изрѣдка вставляетъ слово и польскій король, закулисный слушатель всѣхъ разговоровъ, имѣя въ комедіи то значеніе, какое занималъ хоръ въ древне-греческихъ трагедіяхъ. Главныя лица комедіи, конечно, первыя три.

Кто былъ авторомъ памфлета, съ достовѣрностію сказать нельзя. Видно, однакожь, что онъ хорошо былъ знакомъ съ политическимъ состояніемъ Европы въ то время и съ личнымъ характеромъ, склонностями, убѣжденіями и планами трехъ государей, сосѣдей Польши,—явный признакъ, что онъ вращался въ высшихъ политическихъ кругахъ Польши.

Несомнѣнно также горячее патріотическое настроеніе автора: онъ осмѣиваетъ слабодушіе данцигскаго магистрата предъ угрозами прусскаго короля, продажность и трусость знатнѣйшихъ польскихъ пановъ, бискуповъ и шляхты, между коими въ одномъ мѣстѣ указываетъ, какъ на сторонника Пруссіи, на бискупа куявскаго (стр. 44 и 61). Несмотря на то, что обвиненія автора направлены главнымъ образомъ на Фридриха Великаго, сильно достается отъ него и другимъ участникамъ въ раздѣлѣ—Екатеринѣ II и Маріи-Терезіи: поэтому онъ не могъ быть сторонникомъ какого-либо чужеземнаго двора и проводить его взгляды. Онъ относится съ уваженіемъ къ польскому королю Станиславу-Августу. Ко всему этому нужно прибавить, что авторъ является въ памфлетѣ человѣкомъ образованнымъ, столь же хорошо знакомымъ съ іезуитскими доктринами нравственности и схоластикой, какъ и съ ученіемъ и правилами современныхъ ему германскихъ и французскихъ философовъ, начиная съ Вольфа. Судя по ироніи, съ какою онъ говоритъ о тѣхъ и другихъ, можно думать, что онъ не принадлежалъ ни къ партіи завзятыхъ папистовъ, ни къ числу послѣдователей философіи XVIII вѣка. Наблюдательность составителя памфлета, остроуміе и авторскій талантъ—внѣ всякаго сомнѣнія. Особенно мѣтко и комично обнаруживаетъ онъ странность и неестественность союза между тремя государями, отличавшимися и характеромъ, и убѣжденіями, и цѣлями,—государями, не могшими во время самыхъ задушевныхъ разговоровъ воздержаться отъ взаимныхъ упрековъ и колкостей. Прочитавши памфлетъ, согласишься съ словами, вложенными авторомъ въ уста польскаго короля: «какими судьбами они сошлись вмѣстѣ? Глядя на нихъ, можно диву даться. По правдѣ сказать, это настоящее смѣшеніе симпатіи съ антипатіей, которое могло бы возбудить всеобщее удивленіе, еслибы

мы не дожили до такого времени, когда не приходится уже ничему удивляться» (стр. 3). Комична также роль профессора и истолкователя современной философіи предъ царственными ученицами, навязанная въ памфлетѣ прусскому королю. По всѣмъ этимъ даннымъ, автора памфлета всего скорѣе нужно искать среди той плеяды молодыхъ ученыхъ, аббатовъ, профессоровъ, которые, въ качествѣ частныхъ секретарей, наполняли дворъ короля Станислава-Августа, извѣстнаго покровителя наукъ, къ коимъ, между прочимъ, принадлежалъ и знаменитый польскій историкъ—Нарушевичъ.

Авторъ памфлета, очевидно, желалъ доказать вопіющую и неслыханную, по его словамъ, несправедливость и беззаконность раздѣла Польши, особенно же осмѣять старанія сосѣдей, подѣлившихъ области Польши, придать этому дѣлу въ глазахъ Европы видъ законности. Съ этою цѣлію онъ заставляетъ ихъ разсуждать о томъ, кому поручить составленіе манифеста о раздѣлѣ Польши и какъ его написать. Разсужденія объ этомъ предметѣ составляютъ содержаніе перваго и четвертаго разговоровъ. Около составленія манифеста, долженствующаго доказать справедливость раздѣла, сосредоточиваются всѣ эпизоды комедіи: наставленія, преподанныя королемъ-философомъ своимъ царственнымъ собесѣдницамъ насчетъ правилъ новой философіи, которая оправдываетъ всякія беззаконія сильныхъ міра (содержаніе перваго и четвертаго разговоровъ); разсужденія двухъ императрицъ о существѣ новой философіи, въ которыхъ послѣдняя, между прочимъ, чрезвычайно удачно сопоставлена съ іезуитскими правилами нравственности (содержаніе втораго разговора); практическое примѣненіе новой философіи королемъ-философомъ въ его внѣшней и внутренней политикѣ (содержаніе третьяго разговора короля съ Евфраимомъ, барономъ яффинскимъ, и пятаго—его же съ Вискерфельдомъ, сержантомъ и посломъ короля въ Данцигѣ); изложеніе основаній политики трехъ царственныхъ собесѣдниковъ, которыя, несмотря на свое различіе, вели однакожь къ одной цѣли (содержаніе шестаго разговора). Комедія достойно заканчивается раздѣломъ Польши по картѣ, гдѣ окончательно дорисовывается личность короля, успѣвшаго провесть всѣхъ (содержаніе седьмаго разговора *). Авторъ, какъ видно, ста-

*) Въ экземплярѣ памфлета, которымъ я пользовался, недоставало одного или двухъ листиковъ въ концѣ; памфлетъ найденъ былъ мною въ библіотекѣ черниговской духовной семинаріи, между книгами преосвященнаго Виктора Садковскаго.

рался съ особымъ тщаніемъ обрисовать прусскаго короля, и успѣлъ въ этомъ вполнѣ.

Не буду излагать подробности разговоровъ, передавать остроты автора, по всей вѣроятности, не мало забавлявшія современныхъ читателей памфлета, а постараюсь извлечь изъ него только то, что можетъ служить къ разъясненію событій того времени и обнаружить взглядъ современниковъ поляковъ на виновниковъ перваго раздѣла Польши и на самый раздѣлъ.

Изъ не политической же части памфлета я считаю не лишнимъ привесть сужденія автора о философіи и философахъ XVIII вѣка и объ іезуитско-папистическихъ доктринахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что въ изображеніи состоянія Европы и въ политическихъ взглядахъ автора, современника перваго раздѣла, поражаетъ насъ трезвость мысли и отсутствіе слѣпаго ожесточенія, столь несвойственныя всѣмъ почти польскимъ писателямъ позднѣйшаго времени, когда они касаются этого событія. Конечно, авторъ почитаетъ раздѣлъ Польши величайшимъ, неслыханнымъ преступленіемъ, пожраніемъ частей тѣла, имѣющихъ въ себѣ духъ жизни. По его понятіямъ, союзники не имѣли ни малѣйшихъ правъ на присвояемыя ими области, за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій въ старыхъ, не доѣденныхъ мышами, пергаментахъ и претензій, отъ которыхъ притомъ они не задолго передъ тѣмъ торжественно отреклись. Проектъ раздѣла Польши хуже всѣхъ дѣяній Александра Македонскаго, Помпея и Цезаря, почитаемыхъ всѣми народами позоромъ человѣческаго рода. «Проектъ нашъ», заставляетъ онъ говорить прусскаго короля, «исторгаетъ съ корнемъ и топчетъ въ грязь всѣ, вкорененные въ насъ воспитаніемъ, предразсудки (добродѣтель, честь, справедливость и др.), всѣ общепризнанные законы человѣчности и общественную правду, насмѣхается надъ терпѣніемъ людей. Даже, на первый взглядъ, что можетъ быть гнуснѣе, какъ отнять у какого-либо монарха не малую часть его владѣній, безъ всякаго иного предлога, кромѣ нѣкоторыхъ *темныхъ и двусмысленныхъ выраженій* *) въ старыхъ, не доѣден-

*) Въ этихъ, повидимому, невинныхъ словахъ можно не безъ основанія видѣть первые ростки пріемовъ позднѣйшей польской публицистики, основанныхъ на беззастѣнчивой лжи съ своей стороны, на заподозриваніи и отрицаніи историческихъ доказательствъ противной стороны. Эта система много напоминаетъ намъ образъ дѣйствій учителей польской шляхты—іезуитовъ. Не имѣя, напр., возможности прямо отвергать подлинность какого-нибудь документа, они

ныхъ мышами, пергаментахъ и сомнительныхъ претензій, отъ которыхъ притомъ мы торжественно и рѣшительно отреклись въ послѣднихъ трактатахъ» (стр. 10—11). «Проектъ нашъ совершенно *новый*. До сихъ поръ еще не было ему подобнаго въ нашей части свѣта, между просвѣщенными народами и государями. Александъ, отнимая владѣнія у Пора, Помпей и Цезарь, низлагая съ престола азіатскихъ царей, облекли свои грабежи нѣкоторымъ покровомъ благородства, котораго нѣтъ и слѣда въ нашемъ поступкѣ. Чтобы легче осуществить свои планы, они напередъ не завѣряли въ своей пріязни и въ искренней готовности къ услугамъ, что на самомъ дѣлѣ было лишь обманомъ и уловкой; не заключали торжественныхъ трактатовъ, въ которыхъ бы отрекались отъ своихъ замысловъ, въ то самое время, когда приняли рѣшеніе выполнить ихъ. Однакожь, Александръ, Помпей и Цезарь потомствомъ считаются позоромъ человѣческаго рода» (стр. 6—7). По представленію автора, вложенному въ уста прусскаго короля, въ томъ и состояла вся трудность составленія манифеста, что необходимо было «прикрасить въ глазахъ свѣта цвѣтомъ справедливости поступокъ, не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ тому, что люди называютъ справедливостію».—«Манифестъ этого рода», говоритъ король, «вовсе не такое легкое дѣло, какъ вамъ (императрицамъ) можетъ казаться. Онъ требуетъ творческаго таланта; только насильственные эксперименты политической химіи могутъ согласить столь разительныя противорѣчія. Весьма кстати было бы здѣсь то чародѣйное искусство, при помощи котораго оптика перемѣной цвѣтовъ обманываетъ глазъ и даетъ жизнь и тѣло призракамъ. Не думаю, чтобы свѣтъ (хотя онъ и большой сдѣлалъ шагъ къ прогрессу въ нашъ золотой вѣкъ философіи и свободы) былъ уже на столько просвѣщенъ, чтобы сколько-нибудь терпѣливо выслушать искреннее и полное изложеніе побужденій, управляющихъ нами, и нашихъ плановъ. Хотя добродѣтель по отношенію къ королямъ давно уже обратилась въ призракъ воображенія, который скоро и совсѣмъ пропадетъ, но народъ еще зараженъ предразсудками, и еще не вполнѣ уничтоженъ обычай приносить

сначала стороной набрасывали на него тѣнь сомнѣнія, чтобы потомъ, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, на этомъ основаніи смѣло доказывать его подложность. Такъ, напр., польскіе публицисты и политики поступили съ извѣстнымъ гржимультовскимъ или московскимъ трактатомъ.

кое-какія жертвы этой старой богинѣ, которая давно уже утратила свою силу и значеніе. Выполняя наши замыслы, мы дѣйствовали прямо, но здѣсь нужно большое искусство; излагая наши побужденія, мы не должны оставлять мѣста и малѣйшему сомнѣнію въ справедливости ихъ. Поэтому мы не можемъ не воспользоваться старыми выраженіями, какъ-то: справедливость, свобода, гуманность, гражданственность, хотя эти воображаемыя существа и будутъ играть, говоря по правдѣ, послѣднюю (нѣмую) роль въ нашей траги-комедіи, которую мы представимъ свѣту» (стр. 1—2). Авторъ памфлета однакожь не отвергаетъ существованія старыхъ трактатовъ, которые могли служить основаніемъ для претензій сосѣдей Польши, а только опровергаетъ ихъ значеніе силою новыхъ договоровъ *).

Вмѣстѣ со многими изъ своихъ современниковъ **), въ несчастіяхъ Польши авторъ памфлета обвиняетъ не только сосѣдей, но и самихъ поляковъ, порицая въ нихъ отсутствіе патріотизма, ихъ малодушіе и трусость. Вотъ какъ разсказываетъ Вискерфельдъ, посолъ короля въ Данцигѣ, о своихъ переговорахъ съ данцигскимъ магистратомъ, положившихъ начало тѣмъ стѣсненіямъ польской торговли, которыя впослѣдствіи тяжело отозвались на благосостояніи Польши. «Передалъ приказанія вашего величества данцигскому магистрату. Вызвали сильный ропотъ. Многіе изъ присутствующихъ поблѣднѣли. Видѣлъ трехъ, кусающихъ свои усы, что мнѣ очень не понравилось. Старый глупецъ бурмистръ осмѣлился даже безстыдно то морщить лобъ, то смѣяться, пристально присматриваясь къ моей вытертой и заплатанной одежѣ и глядя на меня съ презрѣніемъ. Потомъ онъ спросилъ меня: «давно ли я сталъ оффиціальнымъ лицомъ, какого я чина и званія», прибавивъ: «я думаю, что вы должны быть чрезвычайнымъ посломъ, а не резидентомъ».—Братъ, отвѣчалъ я ему, я полномочный посолъ, но безъ оффиціальнаго характера.—Затѣмъ, желая показать ему свое полномочіе, я выхва-

*) Въ наше время поляки, наоборотъ, обѣими руками держатся за свои старыя права и знать не хотятъ трактатовъ, уничтожившихъ ихъ.

**) Того же убѣжденія былъ, напр., Нарушевичъ и открыто высказывалъ его въ своихъ стихотвореніяхъ. См. «Dzieta Naruszewicza» к. 1., оды XXIV и XXVI. Къ Россіи Нарушевичъ относился благосклонно: прославлялъ Петра Великаго, величалъ Екатерину II, воспѣвалъ побѣды русскихъ войскъ надъ турками въ первую турецкую войну. См. ту же книгу, соч. Нарушевича, въ началѣ.

тилъ свой пистолетъ и выбилъ ему зубы, чтобы нисколько не сомнѣвался въ немъ. Тотчасъ весь магистратъ воскликнулъ: «да здравствуетъ Фридрихъ, полночный Соломонъ! Его воля будетъ исполнена. Наши граждане съ удовольствіемъ соглашаются принять его новые червонные золотые и сердечно благодарятъ его за уменьшеніе ихъ вѣса. Капитаны кораблей будутъ выплачивать новыя пошлины. Наши предмѣстья считаютъ себѣ за честь дать квартиры его солдатамъ (штиблёвымъ законодателямъ). Даже жены и дочери наши были бы къ его услугамъ, еслибъ его королевское величество не имѣлъ иныхъ вкусовъ» (стр. 43—44). Нельзя также не видѣть упрека представителямъ Польши въ изображеніи безцеремонности, съ какой обращается съ ними прусскій король. Посылая Евфраима, барона яффинскаго, въ Варшаву распространять свою новую монету и обѣщаясь для лучшаго успѣха дать въ его распоряженіе нѣсколько эскадроновъ своихъ гусаръ, король присовокупляетъ: «уже сдѣлано распоряженіе, чтобы тебя приняли въ пышномъ домѣ куявскаго бискупа. Что за картина: жидъ на подушкѣ у одного изъ знатнѣйшихъ галилейскихъ сановниковъ! Это не мало позабавитъ все твое племя и понастращаетъ нѣкоторыхъ язычниковъ. Можешь плюнуть на круцификсъ въ каплицѣ бискупа, а потомъ перельешь его въ монету» (стр. 25). Или: король предлагаетъ Екатеринѣ II слѣдующій способъ для сохраненія согласія и единодушія на польскомъ сеймѣ, утвержденіе коихъ составляетъ, по его словамъ, искреннее его желаніе: «Единственный способъ исполнить это похвальное намѣреніе—это держаться системы, о которой я уже упоминалъ. Главнѣйшія правила ея слѣдующія: привлечь на свою сторону какимъ-нибудь приличнымъ способомъ или деньгами вліятельнѣйшихъ между польскими панами, бискупами и шляхтой; угрозой конфискаціи имѣній или военной экзекуціи склонить ихъ къ созванію народнаго сейма; одѣть всѣхъ пословъ (депутаты на сеймѣ) въ униформу или какую-нибудь ливрею, чтобы поднять ихъ на смѣхъ, а для соглашенія ихъ на одну мысль окружить Варшаву войскомъ. Вотъ предлагаемый мною образъ дѣйствій» (стр. 61).

Авторъ памфлета не слишкомъ увлекался и надеждою на помощь Европы. Правда, онъ поднималъ на весь свѣтъ крикъ объ обидѣ и несправедливости, учиненной Польшѣ, и надѣялся, что этотъ крикъ пробудитъ спавшую безмятежнымъ сномъ Европу. Онъ думалъ, что «не всегда же будетъ спать Европа,

а минута пробужденія бываетъ нерѣдко бурлива». Раздѣлъ Польши, по его мнѣнію, вложенному въ уста Екатеринѣ, «подвергаетъ сомнѣнію безопасность и самое существованіе всѣхъ государствъ, особенно малыхъ; поэтому, въ интересахъ соблюденія мира и взаимнаго довѣрія въ европейскомъ мірѣ, Европа не можетъ отнестись равнодушно къ этому событію. Онъ съ корнемъ ниспровергаетъ весь политическій укладъ Европы и топчетъ ногами равновѣсіе, которое, хотя многими и признается неважнымъ, основывается однакожь на самыхъ мудрыхъ правилахъ политическаго искусства» (стр. 33—34). Привычка искать политической безопасности не въ собственныхъ силахъ, а въ помощи другихъ, — въ необходимости будто бы Польши для политическаго равновѣсія Европы,—у поляковъ, какъ извѣстно, всегда составляла наслѣдственную болѣзнь, своего рода пунктъ помѣшательства. Тѣмъ не менѣе авторъ видѣлъ, что въ его время Европа крѣпко спала и ни мало не заботилась о судьбѣ Польши. Онъ, какъ мы уже сказали, хорошо понималъ политическое состояніе Европы въ свое время. Вотъ какія слова онъ влагаетъ въ уста Фридриху, въ отвѣтъ на просьбу Маріи-Терезіи—вмѣшать въ манифестъ маленькую щепотку усыпляющаго зелья для всѣхъ европейскихъ государствъ, чтобы во время общаго сна можно было спокойно и безбоязненно совершить раздѣлъ: «Не безпокойтесь, всѣ европейскія государства и безъ того спятъ крѣпко; по крайней мѣрѣ самыя чуткія изъ нихъ, кажется, задремали. Можно бы подумать, что на всѣхъ напала спячка. Сонъ ихъ спокойный и беззаботный. Даже тотъ народъ, который мечталъ о всемірной монархіи и котораго гордость такъ долго безпокоила Европу (французы), спокойно смотритъ на наши претензіи и дѣйствія. Что барыня о семи головахъ (Голландія), видя наши стремленія, не показываетъ и признаковъ безпокойства, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: торговля—ея пружина, а миръ—ея безопасность. Не менѣе естественно и то, что король заморскихъ царствъ (англійскій) не мѣшается въ это дѣло: его корабли не могутъ добраться до Польши. Что же касается Бурбонскаго дома, впавшаго въ старческое безсиліе, или причудливаго мадридскаго двора, то это такіе союзники, на которыхъ ни въ чемъ нельзя положиться. Видите, ваши величества, что около насъ все засыпаетъ крѣпкимъ сномъ». На боязливое замѣчаніе Екатерины, что государства могутъ проснуться и обрушиться на союзниковъ, Фридрихъ спокойно отвѣ-

чаетъ: «воспользуемся же обстоятельствами, пока еще есть время, и обработаемъ наши дѣла, пока всѣ спятъ. Когда проснутся, все найдутъ поконченнымъ. Могутъ тогда перевернуться на другой бокъ, если захотятъ. Важнѣйшій шагъ уже сдѣланъ. Мы овладѣли областями нашего сосѣда; недостаетъ только манифеста, который бы доказалъ всѣмъ, что мы хорошо сдѣлали, захвативши ихъ себѣ» (стр. 32—34).

Въ частности о Франціи того времени Марія-Терезія говоритъ Екатеринѣ: «Признаюсь в. в-ству, я уже давно думала разойтись съ этимъ домомъ, приближающимся къ паденію. Какой помощи при выполненіи моихъ замысловъ я могла ждать отъ народа, управляемаго впадшимъ въ ребячество старикомъ, все занятіе котораго состоитъ въ приготовленіи пуддинга, между тѣмъ какъ его фаворитки и министры тѣмъ временемъ обираютъ казну и пресыщаются угнетеніемъ и кровью его подданныхъ? На что можетъ пригодиться союзникъ, не имѣющій ни денегъ, ни кредита? Въ его совѣтѣ едва можно указать одного способнаго министра и немногихъ достойныхъ офицеровъ въ войскѣ» (стр. 25). Судя по отвѣту Екатерины: «Безъ сомнѣнія, эти же причины заставили в. в-ство заключить договоръ съ турками, которымъ вы обязались прогнать мои войска съ Дуная, и вслѣдъ затѣмъ нарушили его, получивъ, впрочемъ, отъ турокъ слѣдующія по договору субсидіи» (стр. 26),—можно думать, что мнѣніе автора о Турціи также не высокое. Послѣ недавнихъ пораженій, нанесенныхъ туркамъ русскими войсками, конечно, онъ не могъ видѣть въ Турціи надежду спасенія Польши, какъ думаютъ теперь иные поляки, ослѣпленные враждой къ Россіи. Правда, неудачи малочисленной русской арміи на Дунаѣ въ 1773 году, представленныя, конечно, въ преувеличенномъ видѣ, и бездѣйствіе русскаго флота на Архипелагѣ пробудили въ авторѣ затаенную надежду на большія затрудненія для Россіи съ этой стороны, но все это представляется скорѣе слѣдствіемъ малочисленности русской арміи и неспособности командовавшихъ флотомъ, чѣмъ могущества Турціи *). Авторъ

*) Любопытно его мнѣніе о командующихъ флотами на Архипелагѣ. Курьеръ доноситъ Екатеринѣ: «флоты в. в-ства разсѣяны на Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, не видавши непріятелей. Адмиралы всѣ въ летаргіи, которую доктора признаютъ неизлечимою. Одинъ Грейтъ не вполнѣ безъ движенія: можетъ до половины раскрыть одинъ глазъ. Графъ Орловъ цѣлыхъ 3 мѣсяца употребилъ на то, чтобы посадить на коня в. в-ство въ видѣ Амфитриды. Два

памфлета даже намекаетъ на стремленіе Екатерины разрушить и покорить турецкое царство, влагая свой намекъ въ уста Фридриха: «По в. в-ство желаете быть слишкомъ могущественной,— задумываете нарушить равновѣсіе въ Европѣ. Присмотритесь, в. в-ство, къ картѣ и обратите вниманіе на страшную обширность своихъ владѣній, въ какомъ видѣ они уже теперь.... Потомъ.... если вы присоедините къ нимъ еще Черное и Средиземное моря, Архипелагъ, Греческіе острова, Малую Азію, Сирію, Египетъ....» (стр. 72—73).

Но истинное политическое предвѣдѣніе оказываетъ нашъ авторъ, когда говоритъ о Пруссіи, какъ о новомъ солнцѣ на политическомъ небѣ, которое со временемъ обратитъ своихъ сосѣдей въ блистающіе воздушные призраки. Тѣмъ болѣе удивительно встрѣтить подобное предвѣдѣніе, что многіе въ ту пору почитали возвышеніе Пруссіи при Фридрихѣ II минутнымъ блескомъ, не имѣющимъ прочной основы. Но приведемъ цѣликомъ разговоръ Фридриха съ Екатериной, въ которомъ высказались эти взгляды.

Екатерина. Ваше в-ство не имѣетъ иного намѣренія, какъ только разорять, убожить и угнетать новыхъ прусаковъ для поддержанія блеска *губительнаго воздушнаго явленія*, которое своимъ пламеннымъ и кровавымъ свѣтомъ такъ долго устрашало его сосѣдей.

Фридрихъ. Не гнѣвайтесь, в. в-ство. Не будемъ ссориться прежде времени. Но что в. в-ство понимаете подъ этимъ своимъ губительнымъ воздушнымъ явленіемъ?

Екатерина. Я думаю и говорю, что в. в-ство, при всемъ великолѣпномъ сіяніи побѣдъ, которое такъ удивляетъ многихъ, въ глазахъ просвѣщенныхъ людей не болѣе, какъ призрачное могущество, которое имѣетъ больше блеска, чѣмъ прочности. Многочисленныя войска в. в-ства и рядъ вашихъ побѣдъ и удачъ дѣйствительно могли обольстить и оглушить, но тотчасъ же всѣ догадались, что этотъ блескъ—минутное явленіе, такъ какъ в. в-ство до сихъ поръ не имѣете средствъ поддерживать блистаніе своей силы и величія. Хищничества и грабежи могли дать

морскихъ коня уже готовы; готовы также три Тритона, за исключеніемъ трубъ. Все изъ лучшаго паросскаго мрамора». Напротивъ, авторъ хвалитъ отважность Вейссмана (стр. 73—74).

в. в-ству минутный блескъ, но никогда не сдѣлаютъ послѣдній прочнымъ и продолжительнымъ.

Фридрихъ. Согласитесь однакожь, в. в-ство, что этотъ Бранденбургскій метеоръ блистаетъ теперь, подобно солнцу, на политическомъ небѣ и когда-нибудь онъ съумѣетъ обратить своихъ сосѣдей въ блистающіе воздушные призраки.

Король польскій. Ей Богу, очень вѣроятно; можетъ-быть, я первый буду обращенъ въ такой призракъ.

Екатерина. Правда; на несчастіе человѣчества, в. в-ство набрались силъ и могущества.

Обѣ императрицы. О, небо! Онъ и въ самомъ дѣлѣ сталъ солнцемъ (стр. 64—65).

Современники приписывали Фридриху самые широкіе присоединительные планы. Въ разговорѣ о раздѣлѣ Польши Фридрихъ, первый заявляя свои претензіи, беретъ себѣ, какъ прилежащія его владѣніямъ: «польскую Пруссію, Померанію, оба берега Вислы, восемьдесятъ селъ Куявской епархіи и воеводства Познанское и Сѣрадзское, которыя принадлежали когда-то *предкамъ* моимъ (говоритъ король) — маркграфамъ силезскимъ. Когда же овладѣю всѣмъ этимъ, желаю еще.... Но еще не время о томъ говорить». Его глаза пожирали на картѣ все,—что и замѣтила Екатерина Маріи-Терезіи, высказавъ опасеніе, чтобъ онъ не захотѣлъ еще Курляндіи и Лифляндіи (стр. 69). Что не досказалъ король, то нѣсколько прежде высказалъ его сержантъ. Притащивъ за шиворотъ географа, онъ приноситъ на него слѣдующую жалобу: «в. в-ство, этотъ трутень въ своей новой картѣ Европы не хочетъ помѣстить въ границахъ новой Пруссіи ни Данцига, ни Эльбинга, ни Торна, ни Познани, ни Варшавы, ни Курляндіи, ни Гамбурга, ни Бремена, ни Любека». Король замѣтилъ на это, обращаясь къ собесѣдницамъ: «Справедливо вы думаете, в. в-ства, что потребуется довольно времени на приготовленіе карты, прежде чѣмъ она будетъ напечатана, что въ это время могутъ произойти большія измѣненія. Карта, составленная сообразно теперешнему состоянію Европы, въ будущемъ году также мало годилась бы для насъ, какъ календарь на настоящій годъ чрезъ столѣтіе впередъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего, что бы могло причинить безпокойство в. в-ствамъ. Все затрудненіе въ томъ, чтобы не потревожить другихъ государствъ. Раздѣлъ Польши—дѣло важное, такое, о которомъ нужно извѣстить географа» (стр. 66—67). Нельзя не ви-

дѣть, что присоединительные планы позднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Пруссіи составляютъ лишь осуществленіе и развитіе преданій, ведущихъ начало отъ Фридриха Великаго.

Современниковъ удивлялъ союзъ Пруссіи, Австріи и Россіи, заключенный на счетъ Польши. Союзниковъ раздѣляли старыя и новыя обиды и непріязненные поступки. Австрія не могла простить Пруссіи завоеваніе Силезіи; Россія помнила недавній трактатъ Австріи съ Турціею, которымъ она обязалась прогнать русскія войска съ Дуная. И Россія и Австрія не забыли своей неудачной семилѣтней войны съ Пруссіей и досадовали на то обстоятельство, что курфирстъ бранденбургскій возвысился на одну степень съ ними и подчасъ управлялъ ихъ политикой. Даже личные взгляды и вкусы государей были различны. Авторъ памфлета очень искусно воспользовался этими счетами союзниковъ, чтобы придать болѣе комизма своему произведенію. Во время самыхъ задушевныхъ разговоровъ союзниковъ, онъ заставляетъ ихъ дѣлать другъ другу упреки и колкости, невольно высказывать непріязненные другъ другу планы. Во второмъ разговорѣ Марія-Терезія размечталась о своихъ правахъ на польскія области. «*Ересь* (курсивъ въ подлинникѣ) польскихъ диссидентовъ, болѣе нежели *сомнительное правовѣріе* короля Понятовскаго, бѣдственное положеніе народа подъ властію такого правительства, близость Кракова къ моимъ австрійскимъ владѣніямъ—всѣ эти обстоятельства и соображенія даютъ мнѣ болѣе чѣмъ вѣроятное (доводное) право на области, отходящія по раздѣлу къ Австріи. Могла бы также, какъ *апостольская королева*, прибѣгнуть къ своему *апостольскому* праву, въ силу коего я обязана обращать или искоренять отщепенцевъ; исполнить же это нельзя, не подчинивъ сначала эти области своей власти». Екатерина замѣтила на это: «На основаніи такихъ доводовъ, вы, в. в-ство, могли бы предъявить свои притязанія и на мои владѣнія; но я постараюсь, во что бы то ни стало, отнять у васъ всякое основаніе и даже возможность питать подобные замыслы». Далѣе Марія-Терезія сообщаетъ Екатеринѣ о своемъ намѣреніи навсегда разойтись съ обезсиленной Франціей, такъ какъ союзъ съ нею былъ бы безполезенъ для Австріи; въ отвѣтъ на это Екатерина не упустила случая кольнуть ее недавнимъ союзнымъ трактатомъ ея съ Турціей противъ Россіи, немедленно однакожь нарушеннымъ Австріей (стр. 24—26). Въ четвертомъ разговорѣ Марія-Терезія, поучаясь у

Фридриха Великаго новой философіи, оправдывающей всякое нарушеніе трактатовъ, высказываетъ слѣдующее соображеніе: «Не говорите, в. в-ство, такъ смѣло, потому что, на основаніи этого способа мышленія, я могла бы, не обращая вниманія на трактаты, когда захочу, возвратить отъ в. в-ства Силезію». Фридрихъ, нисколько не смутившись, отвѣчаетъ: «Извините, в. в-ство: не *когда вы захотѣли бы, а когда были бы въ силахъ это сдѣлать.* На послѣднее согласенъ; но постараюсь избавить в. в-ство отъ всякаго искушенія послѣдовать моимъ правиламъ и взглядамъ» (стр. 39). Въ пятомъ разговорѣ Фридрихъ Великій, расхваливая передъ Маріей-Терезіей образъ дѣйствій Вискерфельда въ Данцигѣ, невольно высказываетъ свои виды на Моравію: «Ха, ха, ха! сержантъ поступилъ очень разумно. Любезный кумъ могъ бы быть превосходнымъ комендантомъ въ *Ольмюцѣ.* Извините, ошибся, хотѣлъ сказать въ Швейдницѣ» (стр. 45). Въ разговорѣ шестомъ Фридрихъ, наставляя своихъ собесѣдницъ въ новой философіи, столь полезной въ политикѣ, прибавилъ: «Не люблю полубезбожниковъ». Марія-Терезія не утерпѣла, чтобы не сказать: «И я не люблю полувѣровъ. (Въ сторону) Проклятый еретикъ!»(стр.52—53). Въ томъ же разговорѣ Екатерина II смѣется надъ Маріей-Терезіей, вздыхающей о небесной славѣ, а между тѣмъ показывающей сильную жадность къ чужимъ владѣніямъ (стр. 57). О пререканіяхъ между Фридрихомъ Великимъ и Екатериною II насчетъ политическаго возвышенія Пруссіи мы уже говорили. Къ сказанному остается прибавить угрожающія рѣчи Екатерины, высказанныя ею въ порывѣ негодованія на Фридриха за то, что онъ своею хитростію увлекъ ее на дорогу, на которую она не хотѣла вступать: «Нѣтъ, я болѣе не потерплю этого. Или я напрасно занимаю тронъ Петра Великаго? И какой-нибудь бранденбургскій маркграфъ, вчерашній князекъ, будетъ предписывать мнѣ законы,—мнѣ, которая, благодаря своему великому уму и обширности своего государства, сама должна предписывать ихъ Европѣ? Нѣтъ, нѣтъ, я не перенесу этого! (Король по памяти наигрываетъ арію). И что за ровня, прошу подумать!... Но не хочу вдаваться въ подробныя объясненія. Ваше в-ство уже не разъ чувствовали силу моей руки, узнаете ее и еще» (Король прусскій не перестаетъ играть, но выраженіе его физіономіи измѣняется и начинаетъ обнаруживать принужденность и смущеніе). Вотъ, наконецъ, сцена изъ послѣдняго раз-

говора, наглядно показывающая, какъ мало союзники, несмотря на взаимныя обѣщанія, готовы были помогать другъ другу въ нуждѣ. Во время спора о дѣлежѣ вдругъ являются къ Екатеринѣ нѣсколько курьеровъ. Одинъ докладываетъ, что въ Египтѣ «Али-бей разбитъ и убитъ, а русскій отрядъ, помогавшій ему, истребленъ». Другой сообщаетъ неблагопріятныя свѣдѣнія о состояніи и дѣйствіяхъ русскаго флота на Средиземномъ морѣ. Третій извѣщаетъ, что «главная русская армія перешла было Дунай, но была отражена турками. Напрасно нѣсколько разъ покушались овладѣть Силистріей,—принуждены были переправиться назадъ, потерявъ лучшихъ генераловъ. Двѣсти лучшихъ офицеровъ съ храбрымъ генераломъ Вейссманомъ погибли въ этомъ несчастномъ походѣ». Екатерина (стараясь скрыть овладѣвшее ею сильное смущеніе) говоритъ: «Вотъ непредвиденныя обстоятельства! Но не измѣнятъ они нашихъ уложеній»?

Фридрихъ. Нисколько.

Марія-Терезія. Ни чуть.

Екатерина. Примите во вниманіе, в. в-ства, что моя армія на Дунаѣ слишкомъ малочисленна; что она уменьшилась болѣе, чѣмъ на половину; что пополнить ее въ скоромъ времени нельзя и не легко это сдѣлать; что турки, возгордившись успѣхами, навѣрно будутъ дѣйствовать смѣлѣе. Все это требуетъ немедленной помощи со стороны моихъ благородныхъ союзниковъ (Тутъ Фридрихъ и Марія-Терезія переглянулись, желая проникнуть мысли другъ друга, затѣмъ опустили глаза). Что это никто мнѣ не отвѣчаетъ ни слова?

Фридрихъ. Ахъ, в. в-ство не можетъ же сомнѣваться въ моей вѣрности! Но мое положеніе для подачи вамъ помощи не такъ счастливо, какъ положеніе моей венгерской сестры, владѣнія которой граничатъ съ турецкими и которая кромѣ безкорыстной привязанности къ в. в-ству имѣетъ и другія важныя причины воспрепятствовать успѣху турецкаго оружія.

Марія-Терезія. Но если я ослаблю свои силы отдѣленіемъ части ихъ противъ турокъ, какъ же я могу поддержать свои претензіи въ Польшѣ?

Фридрихъ. Предоставьте это, в. в-ство, моему попеченію; подражайте довѣрію вашего достойнаго сына къ искренней и безкорыстной моей дружбѣ.

Екатерина. Я на минуту выйду сдѣлать нѣкоторыя распо-

ряженія по арміи. Надѣюсь, что имена Петра и Екатерины могутъ возбудить такую же отвагу и мужество, какъ и видъ Магометова знамени (уходитъ) (стр. 73—76).

Современники поляки считали прусскаго короля главнымъ виновникомъ раздѣла Польши, творцомъ проекта о раздѣлѣ. Въ нашемъ памфлетѣ онъ успокоиваетъ сомнѣнія своихъ собесѣдницъ касательно справедливости замышленнаго дѣла и возможности привести его въ исполненіе; онъ указываетъ, какъ лучше обмануть общественное мнѣніе Европы; онъ, наконецъ, распредѣляетъ, что долженъ взять себѣ каждый изъ участниковъ раздѣла. Весь четвертый и значительная часть шестаго разговора посвящены изображенію этой роли короля. Въ началѣ четвертаго разговора онъ увѣряетъ, что раздѣлъ Польши, хотя онъ и «нарушаетъ миръ, союзъ и взаимное довѣріе въ федераціи европейскихъ государствъ, ниспровергаетъ съ корнемъ политическій строй всей Европы и уничтожаетъ *равновѣсіе*, которое хотя и почитается многими неважнымъ, основывается и зиждется однакожь на самыхъ мудрыхъ правилахъ политическаго искусства», не вызоветъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ сопротивленія и мести Европы, тѣмъ болѣе, что онъ уже совершился и что дѣло идетъ только о манифестѣ. Затѣмъ король продолжаетъ: «Я уже докладывалъ в. в-вамъ, что онъ (манифестъ) долженъ быть основанъ на правилахъ новой философіи, потому что одна она можетъ устранить препятствія, которыя старое суевѣріе привыкло ставить гордости, не знающей границъ и мѣры».

Екатерина. Однакожь, в. в-ство не уничтожили христіанства въ своемъ государствѣ, какъ обѣщались Вольтеру. Знаю, что онъ часто упрекаетъ в. в-ство въ неисполненіи даннаго слова.

Фридрихъ. То—вѣрно, что я оффиціально не уничтожилъ его, но я лишилъ его своего покровительства и защиты. Я всѣми способами возбуждалъ и поддерживалъ враговъ его; даже самъ преслѣдовалъ его въ своихъ сочиненіяхъ; поднялъ на смѣхъ его священниковъ, ученіе и заповѣди; оставилъ только голыя стѣны этого зданія. И оно теперь похоже на старый, развалившійся домъ, съ умысломъ оставленный подлѣ новаго великолѣпнаго зданія, чтобы тѣмъ рельефнѣе выдавались красота и великолѣпіе послѣдняго.

Екатерина. Но, мой братъ, хотя бы вы и освободили насъ отъ христіанства, еще останется на землѣ законъ природы. Вольтеръ самъ говоритъ о красотѣ добродѣтели, о необходимо-

сти и пользѣ поступать по правдѣ, о высокомъ достоинствѣ гуманности и человѣколюбія. Наконецъ, онъ признаетъ Высшее Существо, которое вовсе не равнодушно къ людскимъ дѣламъ.

Фридрихъ. Поэтому-то я и не считаю его способнымъ написать нашъ манифестъ. Для этого намъ нуженъ настоящій мудрецъ, а не полу-философъ, подобный Вольтеру. Здѣсь дѣло идетъ объ уничтоженіи *стараго* закона природы и объ утвержденіи на его мѣстѣ *новаго*. Напримѣръ, сама природа устроила такъ, что нѣкоторыя существа не могутъ поддерживать свою жизнь иначе, какъ умерщвляя другихъ. Природа побуждаетъ людей охотиться на звѣрей, чтобы питаться ими. Она же заставляетъ звѣрей пожирать другъ друга. Что же касается насъ, то и мы руководимся побужденіями природы, захватывая и раздирая въ куски нашими королевскими, императорскими и императорско-королевско-апостольскими когтями владѣнія звѣрей, нашихъ сосѣдей. Если в. в-ства захотите посмотрѣть на дѣло и съ иной точки зрѣнія,—придете къ тому же выводу. Страсти, говоритъ великій философъ нашего времени *), суть первоначальный источникъ всѣхъ великихъ и богатырскихъ дѣлъ и руководитель величайшихъ изобрѣтателей. *Жадность* создала торговлю. *Гордость* построила египетскія пирамиды. *Любовь* оживила кисть перваго живописца. *Славолюбіе* завело парижскаго астронома въ Сибирь и Калифорнію для наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца. *Честолюбіе и жадность* побудили насъ къ раздѣлу Польши.

Польскій король (за кулисами). О, Боже! Какихъ несчастій я и народъ мой не должны ожидать отъ человѣка, который имѣетъ голову Макіавелли, а сердце Аттилы!

Екатерина. Вотъ что называется—смотрѣть въ самую суть дѣла.... Какъ въ прежнихъ моихъ предпріятіяхъ всегда было что-то такое, что смущало меня, такъ и въ этомъ общемъ нашемъ дѣлѣ есть нѣчто, что отнимаетъ у меня веселость и спокойствіе.

Марія-Терезія. И я также не вполнѣ довольна собой. Примите во вниманіе, в. в-ство, что намъ никогда не удастся придать нашему дѣлу видъ справедливости въ глазахъ свѣта, такъ какъ права, на которыхъ мы могли бы основывать свои пре-

*) De l'esprit, Гольбаха.

тензіи, уничтожены нашими торжественными отреченіями въ позднѣйшихъ трактатахъ, изъ которыхъ иные были составлены очень недавно. Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ (если не нѣсколькихъ мѣсяцевъ), какъ в. в-ство торжественно отреклись отъ всѣхъ притязаній на владѣнія Польши. Моя сестра и я сдѣлали то же самое.

Фридрихъ. О, в. в-ства! Если вы чѣмъ дальше, тѣмъ больше будете придумывать подобныхъ затрудненій, то мы никогда не кончимъ. Припомните, что я сказалъ въ моихъ запискахъ о Бранденбургскомъ домѣ: «Политики въ своихъ общественныхъ поступкахъ не знаютъ искренности и прямодушія, признаютъ себя выше всѣхъ законовъ, которые они предписываютъ для другихъ, и руководятся исключительно порочными наклонностями своего сердца». Эти слова тогда сочтены были за пасквиль на государей и ихъ министровъ, тогда какъ въ дѣйствительности они заключаютъ основныя правила, которыми я тогда уже рѣшился руководиться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Поэтому я смѣло утверждаю, что клочокъ бумаги и долгое владѣніе ничего не значатъ противъ *давней претензіи*, если ее можно поддержать силою, и старое право не можетъ быть уничтожено никакимъ позднѣйшимъ трактатомъ, если онъ можетъ быть безнаказанно нарушенъ.... Чтобы лучше узнать впечатлѣніе, какое можетъ произвесть манифестъ, написанный въ духѣ указанныхъ началъ, я поручилъ одному философу, члену моей академіи, приготовить проектъ его. Если будетъ угодно в. в-ствамъ, я пошлю за нимъ, тѣмъ болѣе, что и мнѣ самому очень любопытно послушать его. (Къ пажу) Прошу васъ, позовите сюда философа (Послѣдній входитъ). Г. Штрейтенрейцеръ! приготовили вы проектъ манифеста?

Философъ. Приготовилъ, в. в-ство! Всѣ побужденія и причины взяты изъ чистѣйшихъ источниковъ современной философіи.

Фридрихъ. Читайте его, только выразительнѣе.

Философъ. Такъ какъ новый свѣтъ современной философіи (которая сама есть слѣдствіе случая, соединившаго такъ, а не иначе атомы и явленія славнаго нашего вѣка) ясно показалъ: что добродѣтель есть плодъ политики, основанной на суевѣріи или невѣжествѣ; что въ сущности нѣтъ ни малѣйшаго различія между справедливостію и несправедливостію, изъ которыхъ первая тогда только обязательна, когда послѣдняя почему-либо невозможна; что нравственное добро исключительно состо-

итъ въ пріобрѣтеніи и удовольствіяхъ (при послѣднемъ словѣ обѣ императрицы усмѣхнулись, а король задумался), а зло моральное—въ утратѣ и болѣзни; что гуманность есть только пріятное расположеніе духа, текущее въ крови, умѣренность—слабый голосъ проигрывающей стороны, великодушіе—или хитро придуманныя путы, или дымъ фанатизма; что старый сборникъ законовъ, извѣстный подъ именемъ *десяти заповѣдей*, данъ для одного только невѣжественнаго и не философскаго народа, который не умѣлъ своимъ грабежамъ придать видъ величія.... Всѣмъ, кому надлежитъ, пусть будетъ извѣстно, что я—Фридрихъ, который по милости побѣдоноснаго Марса (выраженіе это показалось Фридриху слишкомъ школьнымъ) обладаю гораздо обширнѣйшимъ государствомъ, чѣмъ всѣ мои предшественники, и желаю еще увеличить его,—уговорился съ двумя государынями о раздѣлѣ между собою, сообразно наиточнѣйшимъ правиламъ и предписаніямъ новой философіи, владѣній одного изъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей, которому мы имѣемъ и имѣть обѣщаемъ (каждый по-своему) искреннюю и сердечную привязанность....

Марія-Терезія (прерывая). Однако такъ писать манифестъ нельзя. Въ немъ не упоминается ни о какомъ правѣ. Мнѣ онъ не нравится.

Екатерина. Это болѣе похоже на академическую рѣчь, чѣмъ на манифестъ. Вѣроятно, оно вышло изъ сокровищницы Дидрò.

Фридрихъ. И мнѣ самому этотъ манифестъ не нравится,—слишкомъ хитро написанъ. Все-таки онъ пригодится для разсѣянія сомнѣній (стр. 34—42).

Въ шестомъ разговорѣ Фридрихъ уже сердится, встрѣчая совѣстливость со стороны Екатерины. Покончивъ разговоръ съ Вискерфельдомъ, онъ обращается къ Екатеринѣ:

Я вижу, в. в-ство чѣмъ-то смущены. Что такое?

Екатерина. Нѣтъ.

Фридрихъ. Не скрывайтесь; что-то причиняетъ в. в-ству сильное безпокойство....

Екатерина. Да; съ нѣкотораго времени я недовольна собой. Не говорю уже объ оскорбительныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ на мой счетъ, которыхъ я довольно выслушала отъ в. в-ства, безъ всякаго съ моей стороны повода. Не знаю сама, что это значитъ, но по временамъ я чувствую, что во мнѣ что-то воз-

стаетъ противъ нашихъ поступковъ. Я слышу голосъ моей совѣсти.

Фридрихъ. Вотъ неразумная женщина! Или в. в-ство не знаете, что совѣсть, съ точки зрѣнія новой философіи, не болѣе какъ пароксизмъ или нѣкоторая внутренняя слабость, происходящая отъ горячки или отъ страха меча и висѣлицы. Изъ столь частыхъ проявленій смущенія я вывожу, что в. в-ство, хотя и хвалились, будто вполнѣ освободились отъ всякихъ предразсудковъ и старыхъ взглядовъ,—не достигли однакожь высшей степени современной философіи. Кто дойдетъ до послѣдней, тотъ пріобрѣтаетъ такое безстрашіе и спокойствіе духа, что не только не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на нравственное добро или зло, на справедливость или несправедливость, но и умѣетъ пользоваться ими по своему вкусу и желанію. Надѣюсь, что Дидрò успокоитъ сомнѣнія в. в-ства. Не люблю полубезбожниковъ.

Марія-Терезія. И я не люблю полувѣровъ... (Въ сторону) Проклятый еретикъ!

Екатерина. Великій Фридрихъ! То было минутное колебаніе и теперь.... ей-ей!... меня оставило. Не повѣрите, в. в-ство, какъ я тверда и непоколебима въ моихъ основныхъ политическихъ правилахъ. И думаю, что въ прежнихъ моихъ поступкахъ я дала не одно доказательство совершенства моей философіи. Но искренно признаюсь, что не могу ни изгладить, ни умѣрить въ себѣ непобѣдимой любви къ славѣ (стр. 51—53).

Далѣе, Фридрихъ дѣйствуетъ на славолюбіе Екатерины—наиболѣе чувствительную струну ея сердца: «Знаю ваши намѣренія, но избѣгаю говорить о нихъ, потому что это никому не можетъ быть пріятно. В. в-ство безпокоитесь о томъ, что о васъ скажутъ. А я вамъ скажу, что васъ всѣ будутъ презирать, если, поступивши такъ рѣшительно, не докончите начатаго нами дѣла. Уже в. в-ство утратили славу великодушія и безкорыстія, но за то пріобрѣли иную—императрицы гордой и мужественной. Если же теперь на полпути отступите,—утратите разомъ и ту и другую и напомните басню о собакѣ и ея тѣни». На это Екатерина отвѣтила, что подобная откровенность рѣчи ей не нравится (стр. 60—61).

Современники поляки мало того, что не признавали Екатерину виновницей раздѣла, какъ это утверждаютъ нынѣшніе польскіе публицисты, но считали ее даже менѣе другихъ участни-

ковъ въ раздѣлѣ виновною въ этомъ дѣлѣ, согласившеюся на него съ меньшею противъ нихъ охотой, даже увлеченною къ тому обманомъ. Они готовы были согласиться, что до самаго раздѣла Екатерина II по отношенію къ Польшѣ дѣйствовала по чистѣйшимъ побужденіямъ дружеской предупредительности. Войска, которыя она держала въ Польшѣ, были слишкомъ слабы для поддержанія какихъ-либо горделивыхъ замысловъ, но достаточны однакожь для возведенія на престолъ одного изъ гражданъ и сохраненія на сеймѣ согласія и единодушія (стр. 60). Они вѣрили, что Екатерина искренно желала послѣдняго, хотя, можетъ-быть, и находили, что ея благодѣянія истекали изъ желанія славы и похвалъ. Они не сомнѣвались, что въ душѣ своей она сильно жалѣла о своемъ участіи въ раздѣлѣ. Вотъ что авторъ памфлета влагаетъ въ уста Екатерины въ интимномъ разговорѣ ея съ Маріей-Терезіей: «Признаюсь в.-ству, что я не вполнѣ спокойна. Много дурнаго въ теперешнемъ моемъ поступкѣ, который, правда, не очень безпокоитъ мою совѣсть, но заставляетъ меня крѣпко побаиваться за свою славу. Сравните только, в. в-ство, мою теперешнюю роль съ прежними моими взглядами и образомъ дѣйствій.... Прежде я объявила себя *протекторшей* польской Рѣчи Посполитой; обязалась, какъ истинный другъ Польши, исключительно изъ гуманныхъ побужденій, прекратить ея смуты, уничтожить раздоры и возвратить ей общее спокойствіе и счастіе. Теперь я сдѣлалась однимъ изъ коршуновъ, пожирающихъ ее даже въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ есть еще духъ жизни. Я равнодушно и безъ содроганія приняла участіе въ дѣлежѣ добычи. Хорошо ли это?—Конечно, нѣтъ. Поэтому-то, несмотря на всю мою новую философію, совѣсть моя чувствуетъ нѣкоторыя угрызенія» (стр. 17).

Современники поляки не скрывали, что о предварительныхъ сношеніяхъ между Берлиномъ и Петербургомъ имъ было извѣстно. «В.-вство, говоритъ Екатерина Фридриху Великому, прислали къ моему двору своего брата, съ цѣлію обмануть меня; но и тогда, не покидая своего молчаливаго характера и задумчивой мины, вы лишь на столько развязали свой языкъ, на сколько это было нужно для того, чтобы легче уловить меня въ разставленныя сѣти. Теперь, когда я запуталась въ нихъ, вы же смѣетесь надо мною. Вы втянули меня въ самыя недостойныя дѣла. Обманомъ заставили меня принять вашу сторону въ спорѣ съ угнетеннымъ Данцигомъ, возникшемъ по весьма смѣшнымъ пре-

тензіямъ. И чѣмъ болѣе я позволяла вамъ, тѣмъ ненасытнѣе вы дѣлались. Но знайте, в. в-ство, что съ этого дня этотъ признакъ вашего превосходства надо мною исчезнетъ; я не буду долѣе терпѣть его» (Тутъ Екатерина стала быстро махать своимъ вѣеромъ; Фридрихъ досталъ изъ кармана флейту, а Марія-Терезія, не желая терять времени понапрасну, стала читать по служебнику молитвы) (стр. 62—63). Марія-Терезія далеко меньше упорствовала противъ раздѣла Польши и даже постаралась подыскать религіозныя права на нее, которыя будто бы имѣла она, какъ апостольская королева, обязанная обращать польскихъ схизматиковъ въ католичество, чего не можетъ сдѣлать, не имѣя ихъ подъ своею властію (стр. 24). Современники поляки, впрочемъ, обѣихъ императрицъ считали жертвами обмана хитраго Фридриха. По ихъ понятіямъ, онъ обѣихъ водилъ за носъ, заставляя ихъ быть участницами его плановъ, главныя выгоды которыхъ приходились на его долю. Эту мысль авторъ памфлета настойчиво высказываетъ нѣсколько разъ. Вотъ Екатерина въ интимной бесѣдѣ съ Маріей-Терезіей высказываетъ опасеніе, что въ цѣлой Европѣ ихъ считаютъ глупыми и обманутыми. «Оскорбительно будетъ для нашей чести, продолжаетъ она, если будутъ смотрѣть на насъ какъ на ничтожныхъ и слабыхъ монархинь; если же избѣгнемъ этого, то навѣрно сдѣлаемся жертвами еще большихъ нареканій и безславія. Словомъ, насъ ожидаетъ одно изъ двухъ: быть или посмѣшищемъ, или предметомъ ненависти всего свѣта» (стр. 16). То же повторяетъ самъ Фридрихъ (въ сторону): «Жалкая женщина! Кто не видитъ, что надъ нею вмѣстѣ съ возлюбленною венгерскою сестрой смѣются въ цѣлой Европѣ, что всѣ считаютъ ихъ дѣтьми, которыя съ своими императорскими и императорско-королевско-апостольскими игрушками бѣгаютъ за человѣкомъ, котораго въ утѣшеніе себѣ называютъ бранденбургскимъ маркграфомъ» (стр. 63—64). То же, наконецъ, говоритъ сторонній свидѣтель сцены дѣлежа, польскій король: «Прежде чѣмъ раскроется все дѣло, можетъ-быть, всѣ узнаютъ, что не я одинъ обманутъ» (стр. 76). Но особенно ясно выражаетъ эту мысль сцена раздѣла, которую я и приведу вполнѣ (на сколько позволяетъ состояніе находящагося подъ рукою экземпляра памфлета). Первый держитъ рѣчь Фридрихъ.

Фридрихъ. Очевидно, для порядка въ дѣлежѣ каждый изъ насъ долженъ брать то, что кому ближе. Поэтому я начну съ того, что возьму себѣ польскую Пруссію, Померанію, оба бере-

га Вислы, восемьдесятъ селъ Куявской епархіи и воеводства Познанское и Сѣрадзское, которыя когда-то принадлежали моимъ *предкамъ*, силезскимъ маркграфамъ. Когда завладѣю всѣмъ этимъ, я желаю еще... Но еще не время говорить о томъ.

Марія-Терезія. О, Боже! Посмотри, моя сестра, какъ его глаза пожираютъ все! (Въ сторону) Пожалуй, захочетъ Курляндію, Лифляндію.

Фридрихъ. На долю в. в-ства, моя россійская сестра, естественно должны достаться наилучшіе края сѣверной Литвы *); а благочестивая венгерская сестра, мой сердечный другъ, можетъ обратить свои святыя очи на Краковское воеводство, соляныя копи Велицкія, Бохнескія и Самборскія; можетъ съ удовольствіемъ провесть ихъ по берегамъ Вислы отъ Силезіи до Сендоміра, и съ радостію увидитъ границу новаго государства, пріобрѣтеннаго столь похвальными средствами, очерченную болотами, Днѣстромъ, Буковиной и Молдавіей.

Екатерина. В. в-ство, очевидно, не забыли о себѣ.

Фридрихъ. Это было моимъ задушевнымъ желаніемъ. Я не имѣю привычки забывать о себѣ.

Екатерина. Польская Пруссія одна лучше обѣихъ нашихъ долей: она и плодороднѣе, и населеннѣе; населеніе ея промышленнѣе. Одна десятина тамъ принесетъ болѣе дохода, чѣмъ сто въ лѣсахъ и болотахъ литовскихъ. Въ воеводствахъ Краковскомъ, Русскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ нужно пройти шестьдесятъ миль, чтобы встрѣтить два или три городка, населенныхъ большею частію жидами; тогда какъ въ польской Пруссіи на этомъ самомъ пространствѣ находится девять или десять (такъ по крайней мѣрѣ теперь) цвѣтущихъ городовъ, обитаемыхъ ремесленниками или богатыми купцами.

Фридрихъ. Тѣмъ лучше для меня... Да и не могу же я потрясти землю, чтобъ эти страны перемѣнили свои мѣста. Смежность— лучшее основаніе для дѣлежа. Впрочемъ, чтобъ успокоить в. в-ство, мы можемъ вознаградить *обширностію*, чего не достаетъ *въ качествѣ*: я готовъ уступить вамъ втрое большій край, чѣмъ какой достался мнѣ.

Екатерина. Да будетъ ли это вознагражденіемъ? Страна безъ жителей и рукъ, которыя бы воздѣлывали ее, какъ бы ни была она обширна, вездѣ и всегда останется бѣдною.

*) Екатерина же будто бы хотѣла получить всю Литву и свободное судоходство по Двинѣ (sic) и Виліи (стр. 67).

Фридрихъ. Имѣйте, в. в-ство, нѣсколько терпѣнія: въ двѣнадцать или тринадцать столѣтій населеніе значительно увеличится и на Литвѣ, и на Руси. А такъ какъ в. в-ство имѣете сильную любовь къ славѣ и жаждете трудиться для потомства, то и эта надежда, хоть и очень отдаленная, можетъ доставить удовлетвореніе вашимъ великодушнымъ наклонностямъ. Что касается меня, то я желаю настоящаго; для меня лучше синица въ рукѣ, чѣмъ журавль въ небѣ (въ подлинникѣ: больше значитъ одно *имѣешь*, чѣмъ два *будешь имѣть*). Довольствуюсь страной людной, богатой, промышленной и торговой въ настоящую пору. В. в-ство имѣете въ Литвѣ неизмѣримые лѣса. Если вѣрить тому, что говорятъ иные, такъ какъ самъ я тамъ не былъ,—нѣкоторые изъ этихъ лѣсовъ имѣютъ до семидесяти миль въ окружности.

Екатерина. Лѣсу-то, положимъ, и много, да лучшія деревья вездѣ вырублены.

Фридрихъ. О, это не бѣда! Въ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ вырастутъ другія; а тѣмъ временемъ в. в-ство можете лакомиться медомъ, не доѣденнымъ медвѣдями.

Екатерина. Хорошо вамъ шутить, получивъ на свою долю богатый кушъ; что же касается меня,—эти шутки для меня ни чуть не забавны.

Фридрихъ. Шутки въ сторону. Лѣса в.в-ства навѣрно вырастутъ. Вашимъ внукамъ и правнукамъ будетъ изъ чего строить корабли, если только неудачи ваши на морѣ не отобьютъ у нихъ охоты. Но в. в-ство хотите быть слишкомъ сильною, замышляете ниспровергнуть европейское равновѣсіе. Присмотритесь, в. в-ство, на картѣ къ страшной обширности уже вашихъ настоящихъ владѣній. Что же будетъ, если присоедините къ нимъ Черное и Средиземное моря, Архипелагъ, Греческіе острова, Анатолію, Сирію, Египетъ?...

Не довольна своею долей и Марія-Терезія и въ отвѣтъ на свои жалобы получаетъ тѣ же ироническія утѣшенія со стороны Фридриха.

Марія-Терезія. Не могу сказать, чтобъ я была очень довольна своимъ участкомъ. При первомъ взглядѣ, обширность приходящейся на мою долю страны обманула меня; когда я разсчитывала мнимыя выгоды моего пріобрѣтенія, мысль моя не была достаточно спокойна, чтобы сообразить существенныя невыгоды его.

Фридрихъ. Что-жь такое?

Марія-Терезія. Со всѣхъ сторонъ я стѣснена. В. в-ство такъ искусно завладѣли Вислой, что я не могу ничего провезти въ море изъ моихъ новыхъ (польскихъ) земель, не проходя чрезъ ваши владѣнія и не дѣлаясь жертвою грабежей таможенныхъ коммиссаровъ, что сильно уменьшитъ мои доходы.

Фридрихъ. Что съ этимъ дѣлать, я и самъ не знаю.

Марія-Терезія. И мой доходъ съ соляныхъ копей уменьшится на двѣ трети, когда в. в-ство будете провозить Балтійскимъ моремъ въ Литву морскую соль.

Фридрихъ. Нужно было в. в-ству сообразить это прежде.

Марія-Терезія. Новые подданные в. в-ства въ польской Пруссіи и Помераніи гораздо смирнѣе краковскихъ обитателей. Первые, за исключеніемъ немногихъ шляхтичей, такіе же добрые нѣмцы, какъ и старые ваши подданные; они имѣютъ тѣ же самые обычаи и нравы, управляются по городамъ тѣми же самыми законами. А могу ли я утѣшать себя надеждой, что укрощу независимый духъ краковской шляхты? Изглажу ли также изъ ихъ памяти воспоминаніе своего происхожденія и привилегій, которыми пользовались ихъ предки, налагавшіе на своихъ данниковъ то самое иго, какое я думаю наложить на ихъ потомковъ? Цѣлые вѣка пройдутъ, пока краковцы сдѣлаются похожи на теперешнихъ упрямыхъ венгровъ.

Фридрихъ. Все это правда. Вотъ что значитъ смотрѣть въ корень вещей. Но въ этомъ дѣлѣ есть кое-что и похуже сказаннаго, то-есть: такъ какъ духъ гордости и независимости всегда заразителенъ, то краковцы и венгры могутъ взаимно поддерживать другъ въ другѣ наклонность къ бунту. Но я и самъ не знаю, что тутъ дѣлать. Впрочемъ, теперь уже поздно перекоряться. Какъ есть, такъ пусть и будетъ. Уже собрались послы великой конфедераціи въ своей униформѣ померанцеваго цвѣта, чтобы съ ропотомъ согласиться на наши претензіи (стр. 69—78) (Конца этого разговора въ нашемъ экземплярѣ не было).

Не безынтересенъ, конечно, будетъ для историковъ взглядъ современниковъ поляковъ на характеры и склонности государей, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, и на основныя начала ихъ политики.

Авторъ памфлета изобразилъ ихъ мастерски; особенно рельефно представлена политическая система Фридриха Великаго, которая, мимоходомъ сказать, подчасъ напоминаетъ образъ дѣйствій современнаго намъ прусскаго политика, Бисмарка. Со-

временники, какъ сказано выше, удивлялись, какъ могли сойтись на одномъ проектѣ лица столь противоположныхъ убѣжденій и характеровъ. Конечно, они сошлись на проектѣ совмѣстнаго захвата владѣній сосѣда, на чемъ вообще политики легко сходятся. Помимо же этого въ характерахъ ихъ встрѣчается гораздо болѣе чертъ противоположности, чѣмъ сходства. Что можетъ быть общаго между фанатическою католичкой, святошей и ханжой Маріей-Терезіей, вѣрующею въ папу и іезуитовъ, вздыхающей о царствѣ небесномъ, не пренебрегая однакожь и благами сего міра, и либеральными послѣдователями философіи XVIII вѣка—Фридрихомъ и Екатериной II? Далѣе, что общаго, кромѣ этой философіи, между Фридрихомъ, сухимъ эгоистомъ, неспособнымъ даже къ любви, атеистомъ и матеріалистомъ не по убѣжденіямъ только, но по самой природѣ своей, любившимъ только побѣды, захваты и деньги,—«человѣкомъ съ головой Макіакелли и сердцемъ Аттилы», и Екатериной Великой, славолюбивой государыней, гордой своимъ трономъ и своимъ умомъ, жаждущей похвалъ, мечтающей о славѣ благодѣтельницы людей, желающей, чтобъ ее любили и вмѣстѣ боялись? Очевидно, что современники поляки въ характерѣ Екатерины II находили гораздо болѣе свѣтлыхъ сторонъ, чѣмъ у двухъ остальныхъ союзниковъ. Рисуемый ими нравственный обликъ Екатерины Великой нерѣдко напоминаетъ портретъ ея, мастерски, яркими красками изображенный Державинымъ въ его «Фелицѣ», приводившій въ восторгъ нашихъ предковъ. Единственный недостатокъ, приписываемый ими Екатеринѣ, котораго нельзя и отрицать въ ней,—пристрастіе къ показности и внѣшнему блеску, вслѣдствіе чего она слишкомъ много гонялась за пустою молвой, слишкомъ много заботилась о томъ, что скажутъ о ней въ Европѣ, особенно же философы, что подумаютъ, и подчасъ довольствовалась видимостію дѣла, а не сущностію его. Въ отношеніи же къ философскому просвѣщенію, они считали ее не достигшею еще высшей ступени философіи, полу-атеистомъ, по выраженію Фридриха (стр. 52), годившеюся только въ ученицы Фридриха—истиннаго мудреца своего времени.

Изображеніе противоположностей въ характерѣ и политикѣ дѣйствующихъ лицъ составляетъ сюжетъ шестаго разговора. Получивъ выговоръ отъ Фридриха за излишнюю совѣстливость, Екатерина II говоритъ, что не совѣсть ее мучитъ, а любовь къ славѣ. Фридрихъ тотчасъ же подхватилъ: «Что же? Слава—и мое

божество. Когда же труба славы звучала громче, чѣмъ въ ту пору, когда она меня восхваляла? Конечно, тотъ долженъ пріобрѣсти себѣ безсмертное имя, кто при Мольвицѣ, Прагѣ, Росбахѣ и Лиссѣ предводительствовалъ побѣдоносною прусской арміей, опустошилъ плодоносныя поля Саксоніи, сравнилъ съ землею гордые зàмки князей, въ виду ихъ самихъ, и обратилъ славный и богатый Дрезденъ въ кучу мусора и развалинъ. Нѣтъ нужды объ этомъ и распространяться. Эти событія хорошо извѣсны в. в-ству; нѣкоторыя касаются даже васъ самихъ. Безъ сомнѣнія, бранденбургскій курфирстъ, воевавшій разомъ съ тремя могущественнѣйшими государствами и вышедшій изъ войны побѣдителемъ, не можетъ играть *двусмысленной* роли въ лѣтописяхъ безсмертной славы».

Екатерина. И я не сомнѣваюсь въ томъ, что в. в-ство не будете играть у потомства *двусмысленной* роли. Вы выше даже того, который, желая пріобрѣсти себѣ безсмертное имя, сжегъ храмъ Діаны; хотя въ иныхъ отношеніяхъ дѣла в. в-ства представляютъ съ этимъ поступкомъ много сходства. В. в-ство дѣйствительно славитесь своимъ умомъ и мужествомъ; но, говоря по правдѣ, никто вамъ не служитъ по привязанности. Васъ всѣ боятся, но никто не уважаетъ. Что же касается меня,—этотъ родъ славы не въ моемъ вкусѣ. Я всегда признавала и теперь признаю,—можете, пожалуй, если хотите, называть это слабостію,—пріятнымъ тотъ голосъ славы, который оцѣниваетъ людей по *внутреннему ихъ величію*, по *убѣжденію въ ихъ гуманности и великодушіи*. Я думаю, что истинная слава составляетъ удѣлъ только милостиваго и гуманнаго государя.

Фридрихъ. Да, такъ и видна женщина! Ей нравится сахарная слава—слава во французскомъ вкусѣ. Такъ, такъ! Людовикъ возлюбленный! Ха, ха, ха! Нѣтъ, в. в-ство, нѣтъ; хотя бы даже подобныя стремленія и не были радикально противоположны моимъ наклонностямъ, во всякомъ случаѣ, я желалъ бы скорѣе быть похожимъ на того, если не ошибаюсь, эпирскаго короля, который говаривалъ: *пусть меня ненавидятъ, только бы боялись*. Это по-мужски и основательно. Оставляю Людовику и всѣмъ ему подобнымъ прозвище *возлюбленнаго*.

Екатерина. Дѣйствительно, Людовикъ возлюбленный—смѣшное прозвище, похожее на шутку, которую однакожь хотѣли выдать за правду. Подобныя похвалы и не смѣшны даже, но низки и непріятны. Кромѣ того, слава еще не утвердила это про-

звище своею печатью. Это выраженіе—вымышленное низкою лестью придворныхъ и подхваченное нѣкоторыми голодными писателями и поэтами *). Но вы, конечно, не будете отрицать, что прозваніе *Великій*, соединенное съ именемъ Генриха IV, производитъ пріятное чувство удивленія и уваженія, исполненная коимъ душа ощущаетъ сладость истинной славы. Этотъ герой, котораго чужіе народы называли *Генрихомъ Великимъ*, а подданные—*Добрымъ Генрихомъ*, былъ истиннымъ героемъ. Послѣднее выраженіе также имѣетъ нѣчто пріятное для слуха; нельзя о немъ вспомнить, не ощущая врутренняго удовольствія. Самое отдаленное потомство будетъ поминать имя Генриха съ сочувствіемъ и уваженіемъ; тогда какъ о Карлѣ V, также названномъ исторіей гордости и лести *Великимъ*, никто не вспомнитъ иначе, какъ съ равнодушіемъ, если не со страхомъ и омерзеніемъ.

Марія-Терезія. Прошу, моя сестра, не слишкомъ сурово отзываться о моемъ, столь почтенномъ, предшественникѣ. Онъ былъ равно великъ какъ въ благочестіи и религіи, такъ и въ политикѣ и военномъ искусствѣ. В. в-ство забыли, что онъ удалился въ монастырь и покинулъ суету міра, чтобы *пещись объ одной небесной славѣ*, въ сравненіи съ которою вся слава земная—вѣтеръ и дымъ.

Фридрихъ. Ха, ха, ха!...

Екатерина. Небесная слава!... Пусть она ею тѣшится! Должно-быть, в. в-ство только и думаете объ этой славѣ, потому что, какъ я вижу, вы не очень заботитесь о земной славѣ; и въ тайныхъ своихъ трактатахъ, которые однакожь для меня не составляютъ тайны, показываете большую жадность къ увеличенію своихъ владѣній.

Марія-Терезія. То правда, моя сестра, что я забочусь только о небесной славѣ. Но, признаюсь в. в-ству, не хотѣла бы разстаться съ этимъ свѣтомъ, несмотря на все мое стремленіе къ жизни будущей. Я нашла способъ служенія *двумъ господамъ*, попеченія разомъ о землѣ и небѣ, привязанности въ одно время къ *благамъ небеснымъ и земнымъ*. Я соглашаю эти противорѣчія при помощи разныхъ толкованій ксендзомъ Бузенбаумомъ тѣхъ мѣстъ св. Писанія, которыя говорятъ будто бы, что *нельзя служить въ одно время и Богу и мамонѣ*.

Фридрихъ. Браво! На этомъ основаніи и я, пожалуй, не дол-

*) Возлюбленнымъ, какъ извѣстно, прозывался Людовикъ XV.

женъ отчаяваться въ надеждѣ сдѣлаться когда-нибудь святымъ, такъ какъ для этого не требуется ни умерщвленія плоти, ни самоотреченія. А я думалъ, что для достиженія небесной славы, о которой в. в-ство говорите, государи должны любить миръ, употреблять мечъ и армію только для защиты своей страны, свято соблюдать клятвы, обѣщанія и трактаты, заботиться только объ успѣхахъ религіи, правды и промышленности въ своемъ государствѣ и объ изобиліи всего, отречься отъ любви къ войнѣ и не захватывать владѣній своихъ сосѣдей.

Марія-Терезія. Нѣтъ, нѣтъ! Этого вовсе ненужно. Путь къ небу былъ бы слишкомъ тѣсенъ. Мой способъ не такъ труденъ: я вѣрю св. Писанію и св. преданію, папѣ и іезуитамъ. А чтобы съ настоящей же поры быть обладательницей и того свѣта, моя гробница уже приготовлена, надгробная надпись написана, мое тѣло изваяно изъ мрамора, рядомъ съ моимъ милымъ мужемъ, комната обита чернымъ сукномъ и, для пущаго страха, уставлена распятіями и черепами, такъ что нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что могло бы умертвить меня и приготовить въ дорогу на тотъ свѣтъ, когда я не буду въ состояніи долѣе оставаться на этомъ свѣтѣ.

Фридрихъ (въ сторону). Что за глупыя женщины! (Къ Екатеринѣ) Мы, какъ вижу, не одного мнѣнія о славѣ: наша венгерская сестра вздыхаетъ о *небесной славѣ*, в. в-ство уноситесь мыслію къ чистотѣ нравственной славы, а я свою славу, какой желаю и о какой всегда забочусь, основываю на томъ, чтобы предо мной дрожала вся Европа.

Екатерина. Да, мы руководимся разными цѣлями: в. в-ство желаете только того, чтобы васъ боялись, а я хочу, чтобы меня вмѣстѣ и боялись, и любили.

Фридрихъ. Мы уже знаемъ обо всемъ этомъ...

Екатерина. Могу сказать, что всегдашнее мое желаніе—быть любимой всѣми, возбуждать равно уваженіе и боязнь. Поэтому я и безпокоюсь о томъ, что обо мнѣ скажутъ. Я уже испытала *сладость доброй славы*. Меня почитали *покровительницей наукъ и искусствъ*. Предпринятое мною составленіе законовъ дало мнѣ славу мудрости и справедливости, которая заставляла забывать мои маленькія слабости. И въ отношеніи къ Польшѣ я руководилась чистѣйшими побужденіями дружеской предупредительности. Войска, которыя я держала въ ней, были слишкомъ слабы для выполненія какихъ-либо горделивыхъ за-

мысловъ, но достаточны однакожь для возведенія на престолъ одного изъ гражданъ и сохраненія на сеймѣ согласія и единодушія.

Фридрихъ. Знаю ваши намѣренія, но избѣгаю говорить о нихъ, потому что это никому не можетъ быть пріятно. В. в-ство безпокоитесь о томъ, что о васъ скажутъ. А я вамъ скажу, что васъ всѣ будутъ презирать, если, поступивши такъ рѣшительно, не докончите начатаго нами дѣла. Уже в. в-ство утратили славу великодушія и безкорыстія, но за то пріобрѣли иную— императрицы гордой и мужественной. Если же теперь отступите на полнути, то утратите разомъ и ту и другую и напомните басню о собакѣ и ея тѣни.

Екатерина. Въ вашихъ рѣчахъ слишкомъ много откровенности, которая мнѣ вовсе не по сердцу. Я уже сказала в. в-ству, что я желала только сохранить согласіе и единодушіе на польскомъ сеймѣ.

Фридрихъ. Того же и я желаю. Вопросъ только въ томъ, какими средствами привести ихъ къ единодушію и согласію. Единственный, по моему мнѣнію, способъ привести въ исполненіе нашъ проектъ—держаться тѣхъ пріемовъ, о которыхъ я уже упомянулъ, а именно: склонить на свою сторону, какимъ-нибудь приличнымъ способомъ или деньгами, лучшихъ между польскими панами, бискупами и шляхтой, угрозой конфискаціи имѣній или военной экзекуціи побудить ихъ къ собранію національнаго сейма; одѣть всѣхъ пословъ въ униформу или ливрею, чтобы поднять ихъ на смѣхъ; а для лучшаго соглашенія ихъ окружить Варшаву войскомъ. Вотъ мой образъ дѣйствій (Въ это время Марія-Терезія молится по чоткамъ и шепчетъ что-то изъ ксендза Бузенбаума).—Конечно, в. в-ство поступите такъ, какъ вамъ будетъ угодно. Я предвидѣлъ всѣ случайности и принялъ всѣ мѣры предосторожности противъ всякихъ измѣненій, къ которымъ могли бы повести врожденное непостоянство и слабость вашего пола.

Екатерина. Непостоянство и слабость!... Это ужь слишкомъ! Ваши рѣчи начинаютъ принимать слишкомъ оскорбительный для меня характеръ... (Далѣе слѣдуетъ исполненная негодованія на интриги Фридриха рѣчь Екатерины, которую мы привели выше). Поэтому я намѣрена возвратить Литвѣ свободу и сдѣлать ее счастливой. Я хочу имѣть славу *благодѣтельствующей*, *гуманной* монархини. Желаніе же в. в-ства убожить и отягощать по-

выхъ прусаковъ для поддержанія того зловреднаго воздушнаго марева, которое своимъ пламеннымъ и кровавымъ цвѣтомъ такъ долго устрашало сосѣдей (стр. 53—64).

Противоположность въ убѣжденіяхъ Фридриха и Екатерины съ одной стороны и Маріи-Терезіи съ другой—искусно выяснена во второмъ разговорѣ; но мы оставляемъ его до той поры, когда будемъ проводить параллель между практическими выводами философіи атеизма и іезуитовъ. Здѣсь же дорисуемъ портретъ Фридриха Великаго, какъ его понимали современники, и особенно остановимся на пріемахъ и средствахъ его политики.

Несмотря на то, что Фридрихъ считался истиннымъ мудрецомъ во вкусѣ своего времени, королемъ-философомъ, современники скептически относились къ его авторскому таланту. Вотъ что говоритъ Фридрихъ въ отвѣтъ на мнѣніе Екатерины, что не можетъ быть лучшаго пера для объясненія претензій союзниковъ и оправданія ихъ поступка, какъ перо самого Фридриха, занимающаго очень видное мѣсто между государями-писателями: «Слишкомъ много чести для меня. Искренно признаюсь в. в-ству, что мой авторскій талантъ очень ослабѣлъ по удаленіи отъ меня ученыхъ людей. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось. Своими разговорами и нѣкоторыми иными средствами (объяснять которыя нѣтъ нужды) они поддерживали во мнѣ авторскую способность. Въ ихъ кругу я сдѣлался, самъ не знаю какъ, историкомъ, поэтомъ и философомъ. Но теперь я принадлежу къ числу самыхъ посредственныхъ сочинителей. Умѣю только, и то плоховато, говорить по-французски (потому что я не люблю своего роднаго языка; въ языкѣ, какъ и въ владѣніяхъ, мнѣ болѣе всего нравится чужое); однакожь, произнесъ въ академіи двѣ рѣчи: одну—объ эгоизмѣ, какъ единственномъ основаніи нравственности; другую—о пользѣ наукъ и искусствъ,—во время которыхъ все почтенное собраніе спало». Марія-Терезія замѣтила на это: «И отлично! Того-то намъ теперь и нужно. Еслибы в. в-ство съумѣли примѣшать къ нашему манифесту щепотку усыпляющаго порошка для европейскихъ государствъ, мы могли бы совершить нашъ раздѣлъ спокойно и безъ всякаго опасенія.

Фридрихъ, какъ мы уже видѣли, любилъ славу, но славу кровавую; онъ желалъ, чтобъ его пусть бы ненавидѣли, лишь бы боялись. Во внѣшней политикѣ онъ не показывалъ никакого уваженія къ трактатамъ, зналъ только право сильнаго, которымъ и пользовался вполнѣ беззастѣнчиво, достигая своихъ цѣлей вся-

кими путями; во внутренней политикѣ онъ заботился болѣе всего о выгодахъ казны,—о деньгахъ, какъ пружинѣ войны и мира. Правда, онъ усердно заботился объ увеличеніи населенія и даже объ обогащеніи подданныхъ, но только въ качествѣ плательщиковъ податей, чтобъ обезпечить исправное поступленіе въ казну послѣднихъ. Ему обязана началомъ финансовая система Пруссіи, умѣющая съ малыми средствами достигать многаго, а также при всякомъ удобномъ случаѣ слагать свои тяжести на плеча другихъ. Отъ него же идетъ и та своеобразная мирная политика Пруссіи въ отношеніи къ сосѣдямъ, которая руководится правиломъ: лишь бы мнѣ было хорошо, и которая въ недавнее время дала себя знать Россіи обширною контрабандой. Выпишемъ тѣ сцены, въ которыхъ изображается эта политика.

Уже въ первомъ разговорѣ Фридрихъ такъ выхваляетъ своего банкира Евфраима, барона яффинскаго *): «Евфраимъ напрасно не приходитъ.... Дѣло идетъ о деньгахъ, а деньги—главная пружина войны и мира. Вы, моя россійская сестра, обладаете дивнымъ, непостижимымъ для всѣхъ секретомъ добыванія денегъ; иные, пожалуй, скажутъ, что вы употребляете въ дѣло розги. Можно бы подумать, что судьба только вамъ открыла секретъ приготовленія философскаго камня. Я же долженъ выдумывать разныя средства. Евфраимъ—моя *волшебная розга*, мой *философскій камень*. Этотъ дивный израильтянинъ имѣетъ какую-то особенную способность обрѣзывать затрудненія и золото. Между прочимъ, онъ придумалъ такую штуку, что одинъ и тотъ же золотой идетъ *за одинъ*, когда получаетъ его моя казна, и *за два*, когда она выдаетъ его. Изъ него вышелъ бы превосходный казначей, еслибы только по временамъ онъ не впадалъ въ сомнѣнія.... Но меня онъ ждетъ, а, можетъ-быть, время для него дорого. Прошу пообождать... Немедленно вернусь... (стр. 13—14). И вотъ какой разговоръ происходитъ между королемъ и Евфраимомъ.

Фридрихъ. Евфраимъ! вотъ мое рѣшеніе.... 400.000 золотыхъ я закунилъ въ Голландіи. Ты ихъ перечеканишь, но такъ, чтобы на каждомъ изъ нихъ мы имѣли въ барышахъ 25 сереб. грошей. Напишешь къ графу Мальсъ (если только онъ не слишкомъ занятъ барышничествомъ), чтобъ онъ досталъ намъ *гиней*, съ которыми сдѣлаешь то же самое. Какъ узнаетъ, для чего

*) Не нужно забывать, что всѣ имена лицъ, кромѣ главныхъ, вымышленныя.

онѣ нужны намъ, съ большою охотою исполнитъ данное ему порученіе. Въ послѣднее время онъ показалъ удивительный фокусъ своего искусства: распустивъ слухъ о своемъ отозваніи съ поста посланника, онъ постунилъ съ своими векселями такъ, какъ будто имѣлъ намѣреніе уѣхать, и все это сдѣлалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы, понизивъ курсъ векселей, въ мутной водѣ ловить рыбу. Роль свою онъ будетъ играть на-диво. Хотя ты и не читалъ евангелія, знаешь однакожь, что есть *орудія чести и безчестія*. Въ политикѣ есть вещи, приносящія вмѣстѣ и *стыдъ, и утѣху*, скрывать которыя, однакожь, заставляетъ и приличіе, и общій обычай.

Евфраимъ. В. в-ство, порученіе ваше не можетъ быть исполнено,—оно противно здравому смыслу. Ради чести синагоги я не хочу мѣшаться въ это дѣло,—оно противно Гемарѣ и всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ.

Фридрихъ. Ты всегда съ своими законами!... Знай, что, какъ *христіанскій государь*, я не обязанъ уважать *ваши законы*, а какъ король-философъ не знаю *никакого иного закона*, кромѣ одного великаго закона—*приличія и собственной выгоды*.

Евфраимъ. О, дай Боже, чтобы в. в-ство сдѣлались жидовскимъ королемъ! Вы были бы превосходнымъ мессіей въ нашемъ вкусѣ. Вы вполнѣ осуществили бы пророчества, *полагая узы на ноги языческикъ князей и кандалы на руки ихъ вельможъ*. Я не думаю, чтобы Варкохебъ или Кромвель имѣли достоинства, которыя бы такъ шли къ нашему идеалу мессіи.

Фридрихъ. Можетъ-быть. Но теперь дѣло идетъ объ исполненіи моего рѣшенія, цѣль котораго—не возстановленіе царства израильскаго, а употребленіе одного израильтянина для пополненія моей казны. Поэтому я хочу, чтобы ты теперь же и безъ всякаго отлагательства начеканилъ червонныхъ золотыхъ и талеровъ. Исполнивши это, возьмешь свою черную бархатную одежду, черный трехъ-ярусный парикъ, желтый атласный камзолъ и твои кресты изъ брюссельскихъ коронъ, и поѣдешь въ Варшаву. Тамъ пустишь въ обращеніе эту новую монету; для удобнѣйшаго же исполненія порученія, я дамъ тебѣ нѣсколько эскадроновъ моихъ гусаръ. Уже сдѣлано распоряженіе о пріемѣ тебя въ роскошномъ дворцѣ куявскаго бискупа. Что за картина: жидъ на подушкахъ у одного изъ знатнѣйшихъ галилейскихъ прелатовъ! Это доставитъ не мало удовольствія всему твоему племени и понастращаетъ нѣкоторыхъ язычниковъ. Можешь плю-

нуть на круцификсъ въ капищѣ бискупа, а потомъ перельешь его въ деньги. Еслибы въ Варшавѣ стали говорить тебѣ о данцигскомъ дѣлѣ,—и на этотъ счетъ дамъ тебѣ тайное порученіе. Позволяю тебѣ отъ моего имени дѣлать наивыгоднѣйшія и наилучшія обѣщанія, ибо можешь быть увѣренъ, что они никогда не обязываютъ меня. Мы теперь поступаемъ на основаніи того правила, которое одинъ англійскій поэтъ превосходно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «обѣщанія—слова, слова же—вѣтеръ, а вѣтеръ не можетъ никого обязывать».

Евфраимъ. В. в-ство, пожалуй, и меня уговорите сдѣлаться философомъ.

Фридрихъ. Эти взгляды для тебя были бы не совсѣмъ безопасны, особенно еслибы ты захотѣлъ осуществить ихъ на дѣлѣ, такъ какъ ничто не защититъ тебя отъ гражданскихъ законовъ и отъ наказаній, установленныхъ ими. Государь же самъ владѣетъ закономъ. Философія—вещь прекрасная въ томъ лишь случаѣ, если съумѣешь спастись отъ кары закона (стр. 27—30).

Не менѣе любопытенъ разговоръ Фридриха съ Вискерфельдомъ, сержантомъ, докладывавшимъ о своемъ посольствѣ въ Данцигъ. Изъ него можно видѣть, съ одной стороны, правила, которыми руководился Фридрихъ при выборѣ исполнителей своей воли, съ другой — порядки, заведенные Фридрихомъ въ новыхъ своихъ владѣніяхъ. Сержантъ докладываетъ: «Передалъ приказанія в. в-ства данцигскому магистрату. Вызвали сильный ропотъ. Многіе изъ присутствовавшихъ поблѣднѣли. Видѣлъ трехъ, кусающихъ свои усы, что мнѣ очень не понравилось. Старый глупецъ — бурмистръ осмѣлился даже безстыдно то морщить лобъ, то посмѣиваться, пристально присматриваясь къ моей вытертой и заплатанной одежѣ и глядя на меня съ презрѣніемъ. Потомъ онъ спросилъ меня: «давно ли я сталъ оффиціальнымъ лицомъ, какого чина и званія», прибавивъ: «я думаю, что вы должны быть чрезвычайнымъ посломъ, а не резидентомъ».

Фридрихъ. Что за глупая дерзость! Свобода и богатство этихъ денежныхъ князей сдѣлали ихъ своевольными. Но пусть будетъ такъ. Постараюсь, уничтоживъ причину, изгладить послѣдствія этого безпорядка. Я увѣренъ, Вискерфельдъ, что въ этомъ случаѣ ты съ достоинствомъ поддержалъ свой санъ.

Сержантъ. О! кончено, в. в-ство. Братъ, отвѣчалъ я прези-

денту магистрата, я—полномочный посолъ, но безъ оффиціальнаго характера. Затѣмъ, желая показать ему свое полномочіе, я выхватилъ свой пистолетъ и выбилъ ему зубы, чтобы нисколько не сомнѣвался въ немъ. Тотчасъ весь магистратъ воскликнулъ: «Да здравствуетъ Фридрихъ, полночный Соломонъ! Его воля будетъ исполнена. Наши граждане съ удовольствіемъ соглашаются принять его новые червонные золотые и сердечно благодарятъ за уменьшеніе ихъ вѣса. Капитаны кораблей будутъ выплачивать новыя пошлины. Наши предмѣстья считаютъ себѣ за честь дать квартиры его солдатамъ (штиблёвымъ законодателямъ). Даже наши жены и дочери были бы къ его услугамъ, еслибъ его величество не имѣлъ иныхъ вкусовъ» (Обѣ императрицы, взглянувъ другъ на друга, достали табакерки, чтобы скрыть свое смущеніе).

Фридрихъ. Ха, ха, ха, ха!.... (Маріи-Терезіи) Не правда ли, сержантъ поступилъ очень умно? Любезный кумъ могъ бы быть превосходнымъ комендантомъ въ Ольмюцѣ... Виноватъ, ошибся, хотѣлъ сказать—въ Швейдницѣ. Видите, в. в-ства, какъ превосходно Вискерфельдъ обдѣлалъ дѣло, и безъ большихъ издержекъ... В. в-ства назначаете послами при чужихъ дворахъ князей, графовъ или бароновъ, украшенныхъ лентой какого-нибудь ордена. Посолъ и отправляется въ путь со всѣми этими титулами; нанимаетъ великолѣпный дворецъ, ѣздитъ въ щегольскомъ экипажѣ, даетъ обѣды и балы, проигрываетъ ваши деньги и свои (если есть). Все это они соблюдаютъ въ точности; что же касается вашихъ интересовъ, нельзя съ увѣренностію поручиться, чтобы не забыли ихъ. Посмотрите, в. в-ства, на Вискерфельда: это—одинъ изъ лучшихъ пословъ; а между тѣмъ посольство его стоило мнѣ не дороже 27 польскихъ злотыхъ, считая въ томъ числѣ расходъ на табакъ и водку (При этихъ словахъ всѣ три коронованныя особы начали смѣяться, но смѣхъ ихъ былъ различенъ).

Екатерина. Однакожь и вы, в. в-ство, иногда назначаете послами графовъ и бароновъ, по примѣру другихъ дворовъ. Графъ де-Мальсъ въ Лондонѣ равно отличается и въ средѣ придворныхъ, и на биржѣ между перекупщиками векселей.

Фридрихъ. Правда, иногда я посылаю въ оффиціальномъ санѣ графовъ и бароновъ, но очень рѣдко и только для виду. Ежели они желаютъ поддержать свое достоинство,—они должны сами, какъ знаютъ, удовлетворять своимъ потребностямъ, такъ

какъ самые важные изъ нихъ получаютъ капитанское жалованье, или немного болѣе. Для важныхъ же дѣлъ я имѣю особыхъ пословъ. Они съ кошачьими глазами, чтобъ и безъ свѣта видѣть; все устраиваютъ такъ тихо и незамѣтно, что ихъ работа открывается лишь въ ту минуту, когда ее менѣе всего ожидаютъ. Самымъ лучшимъ изъ подобныхъ пословъ былъ швейцарецъ, — если не ошибаюсь, посолъ въ Англіи, который жилъ когда-то довольно низкою торговлей и, обанкротившись, хотѣлъ поступить въ гвардію англійскаго короля. Ему было отказано въ пріемѣ не только потому, что онъ не имѣлъ нужнаго роста, ибо на свое несчастіе былъ больше въ толщину, чѣмъ въ высоту, но и потому, что имѣлъ непредставительный видъ и такую отвратительную физіономію, что всѣхъ пугалъ. Я обратилъ его въ посла, и онъ такъ хорошо служилъ мнѣ по трактирамъ, шинкамъ, публичнымъ домамъ и въ другихъ мѣстахъ, что я въ награду назначилъ его губернаторомъ въ Невштатель. Тамъ онъ вполнѣ выказалъ свой характеръ и сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ въ подобномъ положеніи. Хотѣлось бы покончить съ моимъ почтеннымъ посломъ. Дамъ ему только нѣсколько вопросовъ. (Сержанту въ сторону) Что подѣлываетъ тамъ генералъ Беллингъ?

Сержантъ. Дѣлаетъ то же самое, что когда-то дѣлали в. в-ство, занявъ Саксонію. Когда бѣдные люди, исполняя приказанія в. в-ства, приносятъ присягу въ своей вѣрности, повергаютъ къ вашимъ стопамъ свои привилегіи, права свободы и священныя права собственности,—онъ на это только усмѣхается. Когда родители, видя своихъ дочерей жертвами распутства своевольной солдатчины и хлѣбъ отнятымъ у ихъ голодныхъ дѣтей, наполняютъ воздухъ стонами и воплями отчаянія,—генералъ приказываетъ своимъ музыкантамъ играть, чтобы ничего не было слышно. Данцигъ уже со всѣхъ сторонъ окруженъ таможенными коммиссарами, которые, по праву большей силы в. в-ства, увеличиваютъ доходы. Двѣ трети жителей по Вислѣ и обитатели окрестностей города сдѣлались сборщиками податей. Въ продолженіе 15 дней они собрали 80.000 талеровъ въ Данцигскомъ портѣ, 500 въ Грауденцѣ и 3.000 въ Мальборгѣ. Все идетъ такъ хорошо, что одна французская компанія предлагаетъ в. в-ству нѣсколько милліоновъ, чтобъ имѣть честь арендовать ваши доходы на Вислѣ (Въ это время обѣ императрицы,

нѣчто заслышавъ, поднявши глаза къ небу, многозначительно пожимаютъ плечами).

Фридрихъ. Г. Вискерфельдъ, разскажите мнѣ, пожалуста, какъ идетъ заселеніе страны. Мнѣ почему-то кажется, что когда увеличиваются мои владѣнія, количество моихъ подданныхъ уменьшается.

Сержантъ Что-жь, и увеличеніе народонаселенія въ краѣ идетъ такъ хорошо, какъ только можно желать. Одно плохо, что наши сильно забираютъ много дѣвушекъ (При этихъ словахъ императрицы искоса посмотрѣли другъ на друга, хмурясь; видно было, что имъ не до смѣху). Кажется, генералъ едва ли понимаетъ, что этотъ способъ увеличенія народонаселенія не самый лучшій и не самый гуманный; иначе онъ установилъ бы порядокъ. Какой-то сержантъ нагло ворвался въ домъ одного пастора и изнасиловалъ его дочь, не обращая вниманія на ея крикъ и вопли всего семейства. Когда же тотъ несчастный человѣкъ явился къ генералу съ жалобой,—генералъ прехладнокровно отвѣчалъ ему: «Король нуждается въ солдатахъ и подданныхъ, а тѣ, которые желали бы трудиться для увеличенія народонаселенія, не всегда имѣютъ возможность ждать свадьбы. Находя однакожь, что вкусъ солдата къ запрещенному плоду черезчуръ уже насильственнаго характера, посадилъ его на 24 часа на хлѣбъ и воду.

Фридрихъ. Не люблю я тѣхъ насилій, которыя не достигаютъ даже предположенной цѣли. Лучше бы исполнять то, что я предписалъ въ моемъ указѣ о бракахъ. Что съ нимъ?

Сержантъ. Все хорошо, в. в-ство. Между Мальборгомъ и Плоцкомъ я встрѣтилъ 40 повозокъ дѣвицъ, годныхъ къ замужству, которыя всѣ получили приданое по указу в. в-ства. Нѣкоторыя были не веселы; но это у нихъ обычное дѣло, когда идутъ къ вѣнцу. Солдаты, конвоировавшіе дѣвицъ, увеселяли ихъ разговорами объ ожидающемъ ихъ впереди счастіи и утѣхахъ.

Фридрихъ. Прекрасно, Вискерфельдъ! Будь же на-готовѣ. Кажется, я не замедлю поссориться съ Торномъ или Гамбургомъ. Мнѣ чрезвычайно нравится твой способъ переговоровъ. Скажи адъютанту Беутеншвейцеру, что я перемѣнилъ свое рѣшеніе относительно его посольства въ Версаль. Слишкомъ хорошъ для подобнаго порученія. Пошлю туда моего кандитера или придворнаго танцмейстера.

Много остроумія показываетъ авторъ памфлета при оцѣнкѣ практическихъ выводовъ философіи XVIII вѣка и при характеризованіи знаменитѣйшихъ философовъ того времени; особенно искусно онъ проводитъ параллель между практическими выводами философіи XVIII вѣка и ученіемъ іезуитовъ, обличающую въ немъ человѣка съ умѣренно-либеральными взглядами. Конечно, для политической исторіи своего вѣка эта часть памфлета не имѣетъ большаго значенія, также какъ можетъ-быть и для исторіи мысли. Тѣмъ не менѣе, исторія просвѣщенія не можетъ не принять къ свѣдѣнію взгляды и показанія современника, человѣка не дюжиннаго, отличавшагося остроуміемъ и философскимъ образованіемъ, хорошо знакомаго съ тогдашнимъ положеніемъ философіи и философовъ.

Взглядъ автора на философію XVIII вѣка одностороненъ; повидимому, онъ не признаетъ въ ней иныхъ началъ, кромѣ тѣхъ, которыя оправдывали низкіе поступки и нечестный образъ дѣйствій, давали полный просторъ дурнымъ страстямъ человѣка. Кто не знаетъ, что въ ней дѣйствительно было довольно этого душку? Но рядомъ съ нимъ въ ней существовали такія начала, которыя распространили болѣе свѣтлыя понятія объ естественныхъ правахъ человѣческой личности и вызвали прогрессивное, гуманное движеніе въ сферѣ всѣхъ общественныхъ отношеній европейскаго населенія, въ какомъ смыслѣ она и называется, по всей справедливости, просвѣтительною. И ходъ исторіи показалъ, что первый, наконецъ, разлетѣлся по вѣтру; благодѣтельными же послѣдствіями послѣднихъ мы наслаждаемся въ настоящее время. Но не будемъ притязательны къ автору; изложимъ его взгляды такъ, какъ они есть.

Въ первомъ разговорѣ Фридрихъ спрашиваетъ, гдѣ найти человѣка, способнаго составить манифестъ, который долженъ былъ примирить непримиримыя противорѣчія,—согласить правду съ неправеднымъ захватомъ польскихъ областей, такъ какъ онъ не знаетъ ни одного, годнаго для этого дѣла? Екатерина Великая отвѣчаетъ: «Какъ такъ? И вы, в. в-ство, не находите средствъ представить наше дѣло въ благопріятномъ свѣтѣ и пера, способнаго придать важность нашимъ претензіямъ? Развѣ Берлинъ не считается гнѣздомъ *новой философіи?* Или академія в. в-ства не имѣетъ искусныхъ софистовъ, которые бы могли перомъ привлечь людей на сторону своихъ началъ и взглядовъ, въ то время какъ мы съ своей стороны употребимъ силу оружія, чтобы принудить ихъ войти въ наши интересы?»

Фридрихъ. Ахъ, в. в-ство! Берлинъ въ настоящую пору не то, чѣмъ былъ даже недавно. Въ немъ уже нѣтъ ни прежнихъ талантовъ, ни прежнихъ философовъ. Смертность, война и голодъ поморили всѣхъ; другіе же, которые при моемъ дворѣ теряли здоровье, а можетъ-быть и разумъ, удалились въ иныя страны.—*Мопертюи* болѣе не призидентъ академіи. А въ настоящемъ случаѣ онъ много бы помогъ намъ. Онъ имѣлъ удивительный талантъ соглашать противоположные и непримиримые взгляды. Началъ-было изъ наблюденій надъ дѣйствіемъ опіума на человѣка строить соображенія о природѣ нашей души; можетъ-быть, ему удалось бы на этомъ основаніи открыть и новую теорію *правды и несправедливости*, которая пригодилась бы намъ въ настоящемъ случаѣ. Но бѣдняжка захворалъ въ Базелѣ и тамъ по-христіански померъ, т. е. (вы конечно понимаете меня) *умеръ въ шляхмыцѣ* (sic!). Вольфъ, многотомная философія котораго заключаетъ въ себѣ такъ много предметовъ и такъ мало объясняетъ ихъ, который излагалъ геометрическимъ методомъ какъ высочайшіе законы *нравственности*, такъ и самые низкіе и мелкіе процессы природы, — Вольфъ, говорю, въ одну минуту придумалъ бы пятьдесятъ тысячъ тезисовъ для убѣжденія поляковъ въ томъ, что *все—хорошо*. Я этого многотомнаго философа сдѣлалъ барономъ.... Но и его ужь нѣтъ,—обратился въ монаду.

Марія-Терезія. Что это онъ говоритъ? Объясни мнѣ, пожалуста, моя россійская сестра, что такое монада?

Екатерина. Право, сестрица, и сама не знаю. Подобныхъ вещей нѣтъ въ Петербургѣ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не извѣстно, чтобъ онѣ были у насъ.

Фридрихъ. Я вполнѣ тому вѣрю. Эта вещь слишкомъ деликатна для вашего холоднаго края. Притомъ же монады — не матерія и не духъ, не имѣютъ протяженія и не могутъ быть дѣлимы; поэтому, не думаю, чтобы стоило в. в-ствамъ много задумываться надъ ними. Но шутки въ сторону.... Кого же мы выберемъ для составленія манифеста?

Екатерина. Вотъ, еслибъ в. в-ство имѣли подъ рукой графа Альгаротти или маркграфа д'Аржансъ, они....

Фридрихъ. Ахъ! и они ужь обратились въ монады и, что то же, соединились со всеобщею сущностію. Труба славы прозвучала въ честь ихъ нѣсколько похвалъ; но можетъ ли это услышать прахъ ихъ?.... Не будемъ долго останавливаться

надъ этою мыслію; бываетъ въ жизни пора, когда и слава перестаетъ быть милой. Кромѣ того, хотя бы эти великіе умы и жили въ настоящее время, намъ было бы мало толку изъ нихъ. Они были проникнуты тѣми старыми понятіями о *чести*, *добродѣтели*, *благоприличіи*, которыя въ настоящемъ случаѣ только ослабили бы силу ихъ рѣчи и быстроту ихъ соображенія.... Забываете, в. в-ство, что нашъ *проектъ совершенно новый* (и т. д. Продолженіе рѣчи Фридриха не помѣщено здѣсь, такъ какъ она приведена была выше)....

Екатерина. Вольтеръ еще живъ.

Фридрихъ. Да, живъ; но и онъ не больше пригодился бы для насъ въ настоящемъ случаѣ. Навѣрно, съ нашимъ *манифестомъ* онъ сдѣлалъ бы то же самое, что сдѣлалъ съ вашей исторіей Россіи. Не замедлилъ бы, по своему обыкновенію, набрать въ него кучу ложныхъ ссылокъ и доказательствъ, и мы стали бы невинною жертвой толковъ критиковъ и ропота поляковъ. Намъ теперь нужно только извѣстное число темныхъ мѣстъ, взятыхъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ книгъ старины, которыя мы пересыпемъ кое-какими правилами *новой философіи*. Наибольшую услугу Вольтеръ оказалъ бы намъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, еслибы придумалъ какую-нибудь веселую шутку.... Прогналъ бы забавною, остроумною выдумкой угрюмое и мрачное расположеніе духа у смотрящихъ на эту ужасную сцену. Мнѣ весьма нравится изреченіе одного англійскаго философа: *смѣхъ и шутка суть пробный камень правды;* каждое дѣло, которое имѣетъ на своей сторонѣ улыбающихся, можно считать выиграннымъ въ мнѣніи людей. Но и Вольтеръ больше не смѣшитъ, и смѣхъ, иногда еще возбуждаемый имъ, уже не слѣдствіе того, что онъ говоритъ, но скорѣе изъявленіе людской благодарности за то, что онъ прежде смѣшилъ ихъ. Онъ уже пережилъ свой золотой вѣкъ. Книжные магазины завалены не обработанными, обнаруживающими слабѣющій уже разумъ, его сочиненіями, которыя расходятся лишь по старой памяти. Уже наскучили столько разъ повторяемыя имъ насмѣшки надъ жидами, монахами, предразсудками, фанатизмомъ, Промысломъ и т. п. вещами. Кромѣ того, онъ слишкомъ гордъ; съ нѣкотораго времени онъ выказываетъ чувства гуманности и человѣколюбія, которыя навѣрно не позволили бы ему оправдать раздѣлъ владѣній нашего брата, Понятовскаго.

Обѣ императрицы (вмѣстѣ). Неужели же этотъ раздѣлъ такое большое преступленіе?

Фридрихъ. И преступленіе, и не преступленіе.... смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на дѣло. Онъ—преступленіе, если будемъ смотрѣть на вещи съ *старой точки зрѣнія*; но и не преступленіе, если глядѣть на него сквозь *телескопъ новой философіи*.

Обѣ императрицы (вмѣстѣ). Чрезвычайно обяжете насъ, в. в-ство, если потрудитесь обстоятельнѣе объяснить это намъ. (Въ сторону) Что за удивительный человѣкъ!

Фридрихъ. В. в-ства, какъ вижу, удаляетесь отъ сущности дѣла. Дѣло идетъ о захватѣ того, что намъ не принадлежитъ,—о захватѣ *силою* и *принужденіемъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о сохраненіи *призрака правды*, получивъ одобреніе своихъ дѣйствій отъ *тѣни національнаго сейма* Польши. Мы, конечно, сумѣемъ скоро согласить и укрѣпить на немъ мнѣнія, окруживъ его войсками и угрожая присутствующимъ на немъ голодомъ, заключеніемъ въ тюрьму и даже смертію, еслибъ это понадобилось. Я уже докладывалъ в. в-ствамъ, что нашъ проектъ *совершенно новый*. Но такъ какъ онъ очень выгоденъ для насъ, вся же моя *нравственность* основывается исключительно на *моей личной пользѣ*, то я вполнѣ увѣренъ, что мы осуществимъ его. Правда, съ точки зрѣнія *старыхъ предразсудковъ*, проектъ нашъ несправедливъ, *безчеловѣченъ* и *гнусенъ*; правда и то, что эти *предразсудки* въ наше время еще не легко могутъ быть изглажены и уничтожены. Даже я, съ давнихъ поръ освободившійся изъ-подъ ярма ихъ, зачастую еще чувствую нѣкоторые уколы въ той деликатной жилкѣ, на которую обыкновенно дѣйствовали моя мамка и духовникъ, и которую они называютъ совѣстію. Но когда я приму нѣкоторую дозу *новой философіи*, по рецепту *Юма* и *Гельвеція* или *Дидро*, моя слабость проходитъ. Проектъ нашъ вырываетъ съ корнемъ и немилосердно топчетъ въ грязь всѣ вкорененные воспитаніемъ *предразсудки*, всѣ общепринятые законы человѣчности и общественную правду, насмѣхается надъ терпѣніемъ людей. Даже, на первый взглядъ, что можетъ быть гнуснѣе, какъ отнять у какого-нибудь монарха не малую часть его владѣній, безъ всякаго иного предлога, кромѣ нѣкоторыхъ темныхъ и двусмысленныхъ выраженій въ старыхъ, не доѣденныхъ мышами, пергаментахъ и сомнительныхъ претензій, отъ которыхъ, притомъ, мы торжественно и рѣшительно отреклись въ послѣднихъ трактатахъ? Пренебреженіе къ тому, что фанатизмъ называетъ *небомъ*, правдой,—

этому воображаемому существу, которое еще болѣе или менѣе почитается людьми, и къ чувствамъ, силу которыхъ темная толпа всегда ощущала и признавала, — пренебреженіе это, говорю, тѣмъ важнѣе и оскорбительнѣе, чѣмъ торжественнѣе мы всѣ заявили, что не имѣемъ никакихъ претензій на владѣнія нашего брата, Понятовскаго, и ни малѣйшаго желанія присвоить себѣ что-либо изъ его государства. А.... вы дрожите! Я самъ бы задрожалъ подобно вамъ, еслибы не пришла мнѣ на помощь *новая философія*. Хорошо ли вы понимаете ее? Какъ жаль, что мы, въ нашемъ манифестѣ, не можемъ воспользоваться превосходными и обстоятельными ея выраженіями и должны непремѣнно обратиться къ обычному, школьному, скучному и непріятному способу изложенія.

Марія-Терезія. Признаюсь в. в-ству, что я совершенно не знаю этой *новой философіи*. Мои *ученые* держатся еще философіи XIV вѣка, которая имѣетъ то достоинство, что она—философія святыхъ мучениковъ и монаховъ. Самая темнота, покрывающая всѣ ея положенія, придаетъ ей не мало важности и достоинства и дѣлаетъ ее святою, достойною, въ глазахъ людей, всякаго почтенія и общаго уваженія. Оба мои сына—императоръ и великій герцогъ тосканскій—изъ нея научились искусству царствовать. Имъ дѣлали оффиціальное испытаніе въ ней, въ присутствіи двора и иностранныхъ пословъ, во время котораго (испытанія) достопочтенный отецъ Пагенстекеръ спрашивалъ ихъ *о сущностяхъ*, *качествахъ*, *количествахъ*, *количественностяхъ* *), *существѣ*, *правдѣ*, *единствѣ и существенныхъ образахъ*. В. в-ство сами видите слѣдствія столь счастливаго воспитанія.

Фридрихъ. Въ чемъ? (стр. 3—12).

Обращаюсь, наконецъ, къ сопоставленію практическихъ слѣдствій матеріалистической философіи XVIII вѣка и ученія іезуитовъ.

Свой взглядъ авторъ памфлета изложилъ въ формѣ интимнаго разговора между Екатериной Великой и Маріей-Терезіей, причемъ первая объясняетъ, что такое новая философія, а послѣдняя припоминаетъ взгляды, внушенные ей ея духовниками, и открываетъ въ нихъ значительное сходство съ правилами новой философіи.

---

*) Польскій подлинникъ гораздо выразительнѣе и комичнѣе говоритъ о цосцяхъ, якосцяхъ, илосцяхъ, илкосцяхъ и т. д.

Марія-Терезія. Милая сестрица! что это такое за *новая философія*, о которой такъ много говорятъ? Если не ошибаюсь, она нѣсколько походитъ на *атеизмъ*.

Екатерина. Какъ такъ? А впрочемъ.... правда.... нѣчто въ родѣ того. Но *атеизмъ*—старое выраженіе, ненавистное и мерзкое для темной толпы, хотя въ сущности оно означаетъ только *свободный образъ мышленія, не знающій никакого принужденія или ограниченія*.

Марія-Терезія. Все это для меня не мало удивительно, милая сестрица; я была бы очень рада, еслибы вы обстоятельнѣе разъяснили мнѣ эту новую философію.

Екатерина. Я сама еще слишкомъ мало знаю ее для того, чтобъ обстоятельно разъяснить ее, какъ вы того желаете. Больше узнаю, когда Дидрò пріѣдетъ въ Петербургъ. Нашъ братъ, прусскій король, между новыми философами, безспорно, одинъ изъ смѣлѣйшихъ въ *мышленіи* и искуснѣйшихъ въ *выполненіи*; поэтому, вѣроятно, онъ съумѣетъ дать вамъ болѣе полныя свѣдѣнія о *новой философіи*. И теперь онъ съ Евфраимомъ занятъ выполненіемъ одного изъ своихъ важнѣйшихъ правилъ. Этой-то философіи, подкрѣпленной, правда, военнымъ геніемъ и великимъ умомъ, онъ и обязанъ столь быстрымъ возрастаніемъ могущества своей державы, такъ что теперь боятся его даже тѣ государства, предъ которыми прежде дрожала вся Европа.

Марія-Терезія. Вы, милая сестрица, вмѣсто удовлетворенія, только раздражаете мое любопытство. Я не могу преодолѣть своего нетерпѣнія и чувствую чрезвычайное желаніе поучиться нѣсколько этой философіи, производящей такія чудеса.

Екатерина. Я могу, милая сестрица, представить вамъ одинъ обращикъ ея въ письмѣ, которое я получила отъ одного изъ посланныхъ мною въ чужіе края собирать свѣдѣнія и новости о способѣ *просвѣщенія людей и о политической экономіи*. Онъ мнѣ доноситъ, что одинъ изъ славнѣйшихъ современныхъ философовъ окончилъ книжку, въ которой усиливается доказать, что поступки людей, собственно говоря,—«ни *добры*, ни *злы*»; что дурной поступокъ имѣетъ въ себѣ не болѣе *нравственнаго* несовершенства, какъ и *сломанная нога*; что нѣтъ никакой заслуги въ *благочестіи* и *набожности*; что вообще вѣра—*глупость*, что божество есть только *пустой звукъ, на воздухъ сказанное слово безъ всякаго значенія*; что о будущей жизни мы ничего не

знаемъ; что *правда*, наконецъ, есть *вымышленная добродѣтель*, не имѣющая иного основанія, кромѣ нѣкоторыхъ общественныхъ требованій и произвольныхъ законовъ, въ свою очередь основанныхъ на страхѣ кары». Это послѣднее правило особенно благопріятно нашему политическому намѣренію. А такъ какъ, кромѣ того, мы не можемъ ни ожидать, ни опасаться какого бы то ни было возмездія со стороны нашего брата, Понятовскаго, то справедливость, эта вымышленная добродѣтель, нисколько не можетъ связывать насъ нашими трактатами, и раздѣлъ Польши нисколько не долженъ оскорблять ее.

Императрица австрійская припоминаетъ, по поводу этихъ словъ, одинъ случай,— какъ слуга одного изъ ея придворныхъ, наслушавшись новой философіи, обокралъ своего господина, но былъ схваченъ и попалъ на висѣлицу, получивъ въ утѣшеніе себѣ лишь слѣдующія назиданія изъ евангелія новой философіи: «что онъ долженъ быть осторожнымъ; что въ его положеніи онъ долженъ геройски перенести всѣ муки, презирая настоящую жизнь и не опасаясь никакой иной; что, *все равно*, и безъ этого несчастія онъ скоро обратился бы въ ничто». Екатерина на это снова замѣчаетъ, что *новая философія* опасна для простыхъ людей, но государствамъ, кромѣ выгодъ, ничего не можетъ принесть.

Марія-Терезія. По правдѣ сказать, я ненавижу эту *новую философію*, ибо, помимо того, что противорѣчитъ св. Писанію, она,—что за мерзость!—уничтожаетъ вѣру въ *чистилище*, отвергаетъ важность *церковнаго преданія* и непогрѣшимость *римской каѳедры*. Кромѣ того, я могу легко обойтись и безъ нея, потому что и помимо ея я имѣю средства оправдать свой поступокъ: іезуиты такъ же превосходно, какъ и ваши философы, умѣютъ успокоить боязнь совѣсти, смущенной и встревоженной представленіями *правды* и *справедливости*. Еслибы какимъ-нибудь образомъ неблагоразумная политика уничтожила ихъ орденъ,—я уже рѣшилась нѣкоторыхъ изъ достойнѣйшихъ членовъ его удержать при себѣ, чтобъ они руководили моею совѣстію. Ихъ теорія *пробабилизма* или *вѣроятности*,—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется,—имѣетъ много сходства съ теперешнимъ *скептицизмомъ* или *сомнѣніемъ* во всемъ. Не далѣе, какъ поутру, одинъ изъ этихъ достопочтенныхъ ксендзовъ сказалъ мнѣ (смиренно сложивъ на груди руки), что нѣтъ ни одного вопроса въ богословіи и въ политикѣ, который не представ-

лялъ бы доказательствъ за и противъ себя и который не могъ бы быть рѣшенъ и такъ, и иначе, и что этого вполнѣ достаточно для сохраненія полной свободы совѣсти, за исключеніемъ только (прибавилъ онъ) слѣдующихъ членовъ вѣры: *непогрѣшимости* папы [1]) и *божественнаго происхожденія іезуитскаго ордена*». Что можетъ быть легче, какъ примѣнить къ нашему дѣлу эту теорію? *Ересь* польскихъ диссидентовъ, болѣе нежели *сомнительное правовѣріе* короля Понятовскаго, бѣдственное положеніе народа подъ властію такого правительства, близость Кракова къ моимъ австрійскимъ владѣніямъ— всѣ эти обстоятельства и соображенія даютъ мнѣ болѣе нежели *вѣроятное* (доводное) право на области, отходящія по раздѣлу къ Австріи; могла бы также, какъ *апостольская королева*, прибѣгнуть къ своему *апостольскому* праву, въ силу котораго я обязана обращать или искоренять отщепенцевъ; исполнить же это нельзя, не подчинивъ прежде эти области своей власти.

Екатерина. На основаніи такихъ доводовъ, вы могли бы, в. в-ство, предъявить свои притязанія и на мои владѣнія; но я постараюсь, во что бы то ни стало, отнять у васъ всякое основаніе и даже возможность питать подобные замыслы.

Марія-Терезія. Не прерывайте меня, в. в-ство; я хотѣла только передать вамъ о святыхъ и благодѣтельныхъ совѣтахъ, которые мнѣ дали многоуважаемые руководители моей совѣсти, на основаніи теоріи *пробабилизма*. Благодаря снисходительности ихъ во всѣхъ случаяхъ, я нисколько не задумалась надъ разрывомъ дружественнаго союза съ Англіей, хотя еще и сохранилось въ моемъ сердцѣ живое воспоминаніе о великодушныхъ услугахъ, недавно оказанныхъ ею мнѣ, хотя также я вполнѣ понимала обязанности свои къ этому, столь тѣсно связанному со мною, государству. По тѣмъ же побужденіямъ я не посовѣстилась пустить въ ходъ интриги, увертки, измѣну и даже плутни (какъ говоритъ простонародье), чтобъ обмануть Францію; потому что, признаюсь в. в-ству, я давно уже думала разойтись съ этимъ приближающимся къ паденію домомъ. Какой помощи при выпол-

*) Нужно ли лучшаго доказательства той мысли, что провозглашенный недавно въ католической церкви догматъ непогрѣшимости папы вовсе не составляетъ новоизмышленія; напротивъ, онъ есть естественное послѣдствіе папской доктрины и давнымъ-давно молча признавался всякимъ истинно-вѣрующимъ католикомъ.

неніи моихъ плановъ я могла бы ждать отъ народа, управляемаго впадшимъ въ ребячество старикомъ, все занятіе котораго состоитъ въ приготовленіи пуддинга, между тѣмъ какъ его фаворитки и министры обираютъ тѣмъ временемъ казну и пресыщаются угнетеніемъ и кровью его подданныхъ? На что можетъ пригодиться союзникъ, не имѣющій ни денегъ, ни кредита? Въ его совѣтѣ едва можно указать одного способнаго министра и нѣсколько достойныхъ офицеровъ въ войскѣ.

Екатерина. Безъ сомнѣнія, тѣ же причины заставили в. в-ство заключить договоръ съ турками, которымъ вы обязались прогнать мои войска съ Дуная, и въ слѣдъ затѣмъ нарушить его, получивъ, впрочемъ, отъ турокъ слѣдующія по договору субсидіи.

Намекъ этотъ, какъ видно, не понравился Маріи-Терезіи.

Марія-Терезія. Оставимъ это, пожалуста: не нужно объ этомъ и вспоминать. Теперь мы—добрыя пріятельницы. Наши интересы сходны. Мы вмѣстѣ ловимъ въ одномъ омутѣ, съ одинаковымъ успѣхомъ и счастіемъ (стр. 17—26).

Такимъ образомъ современники поляки истинною виновницей раздѣла Польши признавали Пруссію, а никакъ не Россію, несмотря даже на то, что Россію, повидимому, ненавидѣли болѣе, чѣмъ другихъ участницъ въ раздѣлѣ *). Очевидно, для современ-

---

*) Тотъ же взглядъ господствовалъ въ ту пору и въ западной Европѣ. Это доказываютъ соображенія графа де-Брольи, представленныя Людовику XV, 16 апрѣля 1773 г., въ свою пору не напечатанныя и сдѣлавшіяся извѣстными публикѣ уже много времени спустя. Вотъ въ какихъ словахъ характеризуетъ онъ политику прускаго кабинета (приводимъ ихъ по сочиненію Лобажевскаго «Respect dû à la tête couronnée» стр. 201—3): «Истинный виновникъ всѣхъ смятеній въ Польшѣ, онъ умѣлъ, дѣйствуя исподтишка и безъ всякихъ издержекъ съ своей стороны, такъ поставить дѣло, что вынудилъ Вѣнскій и Петербургскій дворы раздѣлить съ нимъ это королевство. Онъ обольстилъ молодаго государя, жаждавшаго военной славы, и государыню, увлеченную философіей и законодательными работами; онъ сталъ посредникомъ между ними и связью этого новаго соглашенія, чтобъ обоихъ сдѣлать орудіями своихъ видовъ и проектовъ». Тотъ же графъ де-Брольи говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Нужно думать, что на нейштадтскихъ конференціяхъ 1770 года между императоромъ (Іосифомъ II) и королемъ прусскимъ была уже рѣчь объ этомъ раздѣлѣ, и что австрійскій министръ долгое время потомъ былъ занятъ посвященіемъ въ этотъ планъ императрицъ». Или вотъ что мы читаемъ въ секретной депешѣ герцога де-Рогана, французскаго посланника въ Вѣнѣ, отъ 4 іюля 1774 года: «Я имѣю въ рукахъ секретные документы, которые просвѣщаютъ насъ насчетъ приватныхъ, очень интимныхъ отношеній императора къ прусскому королю и насчетъ побужденій, вызвавшихъ нейсское и нейштадтское свиданіе. Этотъ союзъ

никовъ дѣло было такъ ясно, что приписать Россіи проектъ раздѣла было невозможно. Поляки корили Россію только нарушеніемъ не задолго предъ раздѣломъ даннаго обѣщанія—сохранить цѣлость Польши. Что это мнѣніе памфлета, содержаніе котораго мы изложили, не было одиночнымъ и исключительнымъ, но, напротивъ, составляло общее убѣжденіе поляковъ современниковъ перваго раздѣла, это лучше всего доказывается свидѣтельствами враждебныхъ Россіи памфлетовъ 1790 г. Щедро расточая всевозможныя клеветы на Россію и, между прочимъ, прямо обвиняя ее въ первомъ раздѣлѣ Польши, они при этомъ сознаются, что о подобной роли Россіи въ этомъ событіи полякамъ сдѣлалось извѣстнымъ лишь въ недавнее время, прежде же говорили объ этомъ различно *). Теперь спрашивается: кто же и когда пустилъ въ ходъ мнѣніе, будто Россія устроила первый раздѣлъ Польши,—мнѣніе, имѣющее у теперешнихъ польскихъ патріотовъ характеръ аксіомы? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ позднѣйшимъ польскимъ памфлетамъ прошедшаго вѣка, на сколько они касаются перваго раздѣла Польши.

А. Розовъ.

чувствъ и интересовъ, гибельныя послѣдствія котораго мы уже видѣли въ Польшѣ, несомнѣнно принесетъ и другіе результаты, еще болѣе опасные для свободы имперіи и для общаго спокойствія». Въ другомъ мѣстѣ: «Вотъ резюме частной корреспонденціи прусскаго короля съ своимъ посломъ въ Вѣнѣ. Этимъ путемъ мы пріобрѣтаемъ истинныя, очень интересныя свѣдѣнія о политикѣ двухъ дворовъ, соединенныхъ узами дружбы, объ ихъ сокровенныхъ планахъ, о тайнахъ ихъ сближенія съ Петербургскимъ дворомъ, о рѣчи и дѣйствіяхъ монарха, который своимъ извѣстнымъ честолюбіемъ и презрѣніемъ къ законамъ, связывающимъ государей и государства, неизбѣжно долженъ обезпокоивать державы, озабоченныя болѣе всего утвержденіемъ равновѣсія и спокойствія».

*) Памфлеты: «Портретъ Москвы», «Объ опасномъ положеніи политическаго равновѣсія» и «Петербургскій курьеръ».